

ИДЕАЛЬНЫЙ
ГЕНОМ

НАТАЛЬЯ ТАШИНСКАЯ

ПУТЬ
ЖУШАРИ

Книга первая

Дар Великих

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ЕЛЕНЫ БОНК

Путь кшари

Наталья Ташинская

Путь кшари. Дар Великих

«Автор»

2023

Ташинская Н.

Путь кшари. Дар Великих / Н. Ташинская — «Автор»,
2023 — (Путь кшари)

Он — кшари, избранный Великими для служения им. Он живет в лучшем из миров, его путь прост и понятен, в конце его ждут славная битва с врагами и счастливая смерть во имя Великих... Все так и было бы, но пришли дикие, и адское пламя войны охватило Эр-Кхар. Он оказался за тысячу парсек от дома, и ему еще предстоит найти путь обратно и понять, каков он, его истинный путь... И да, Аррох всех побери, что такое кофеварка?

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Дар Великих	9
Глава первая. Именем Великого Ашера	10
Глава вторая. Аштэ и дракон	20
Глава третья. Странные дикие	28
Глава четвертая. Тардхани	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталья Ташинская

Путь кшари. Дар Великих

Великих нельзя спрашивать – они говорят сами.

Великих нельзя звать – они приходят, когда считают нужным.

В Великих нельзя сомневаться – неверие карается смертью.

Пролог

Это был мир великанов. Шаттл терялся на фоне гигантских деревьев, испуганно жался к земле, готовый в любой момент сорваться с места и шустрым зайцем метнуться обратно на орбиту. Тут было всего слишком много: и воздуха, и света, а особенно – красок. Малахитовый мешался с фиолетовым, оранжевый дрался с черным, ярко-лиловый вспухал огромными цветами в завесе багряных лиан, и над всем этим разливалась густая синь. Такая яркая, что было больно глазам.

Сельва. Когда-то он воевал в походе... Только здесь они были первыми, а значит, не стоило ждать растяжек, термоядерных мин и выжигающей все на своем пути плазмы. Здесь нет людей, кроме них, и опасности нет, но натянутые нервы все равно звенели, влетая тревогу в тихий шелест листвы.

– Ашер! Долго еще?

– Три года ждали, – проворчал Сергей, – дайте мне еще пару минут.

Умная электроника не видела поблизости крупных тепловых объектов. Сергей открыл шлем и окинул заросли уже обычным взглядом, не через визор. Натренированная за время службы наемником чуйка тоже молчала. Похоже, они действительно долетели. Три долгих года в ледяном космосе, десятки туннелей, уводящих корабль все дальше, и сотни разочарований. Сколько раз они выпрыгивали в неизвестность, чтобы в очередной раз найти газовые гиганты, метановые атмосферы и выжженные беспощадными звездами каменные пустоши! И вот наконец – джек-пот.

– Чисто.

– Ура-а-а! – завопил наушник сразу на два голоса, и шлюз за спиной начал разворачивать лепестки.

Сергей бы предпочел, чтобы первыми на планету спустились его ребята из службы безопасности, но традиции есть традиции.

– Командор!

Сергей шагнул в сторону, освобождая проход к трапу и на всякий случай проверяя заряд файтера – индикатор показывал полную шкалу.

– Ну что, господин Ашеров, как вам наш новый дом?

Сергей покосился на Командора, но прочитать эмоции на закрытом маской лице, как обычно, не получилось. Болтали, что Командор еще в молодости попал под химическую атаку и лицо его было изуродовано ипритом, но почему тот предпочел маску из эльта-латекса обычной регенерации или пластической операции, Сергей не знал, а спрашивать не рисковал.

– Отлично, Командор.

Идеальные миры в Галактике встречались редко, кроме Старой Земли и двух близняшек Терр, других бриллиантов в ней не было. Эта планета до тройки изначальных миров тоже не дотягивала, сила тяжести была не самой гуманной, зато имелась вода, кислород и не бушевали дикие ветра, готовые перемолоть в труху все, что встретится им на пути. Они провисели на орбите почти четыре месяца, анализируя данные с дронов-разведчиков, и приговор корабельного искина был однозначный: годится. Можно высаживаться и начинать жизнь заново. И сейчас почти сто тысяч колонистов в анабиозных камерах ждали решения их группы.

В ветвях что-то зашуршало, и Сергей быстро повернулся. А потом удивленно приподнял брови. На толстой ветке сидело что-то похожее то ли на бабочку-переростка, то ли на дракона-недомерку: рептилия с полупрозрачными радужными крыльями раза в три больше тонкого, покрытого красными чешуйками тельца и длиннющим хвостом. Вид у рептилии был недобр.

– Ух ты, какие здесь феи!

– Зубастые, – проворчал Сергей и тут же строго добавил: – Мисс Мотт, держитесь за мной, пожалуйста.

Полное имя начальника медицинской службы было Транкиль дэ ла Мотт, но так ее звал только Командор, остальным давно надоело язык ломать: «Ани» – куда лучше, ну, или «мисс Мотт», если слегка добавить официальности. Он и сам с легкой руки Славки Арохина давно стал Ашером, и ничего, нормально.

– Ну что, господа, – Славка, как будто почувствовав, что о нем думают, тут же ввинтился между Сергеем и мисс Мотт, – готовы войти в историю?

– Ты, Арохин, – проворчала Ани, – в нее вляпаешься!

– Кики, не бухти! – жизнерадостно заржал Славка. – Посмотри, это же идеальный мир! Дайте мне лабораторию, и я сделаю из него конфетку!

Сергей мысленно поморщился: «Кики» – дурацкая кличка, ей совсем не идет. А вот в том, что Славка может сделать из этого мира «конфетку», он не сомневался: Славка был гением, поцелованным всеми богами разом. За него дрались ведущие корпорации, он мог припеваючи жить на Терре на каком-нибудь сотом этаже с видом на центральную площадь, но у Славки была мечта. Он грезил идеальным миром для идеального же человека, человека будущего, истинного венца природы, но дурацкие законы, придуманные отсталыми людишками, вставали на пути к мечте железобетонными заборами. Создавать новый вид картошки или выращивать бифштекс Славка не желал, а трогать геном человека в корыстных целях было запрещено.

Самому Сергею не повезло родиться в изначальных мирах, он вырос в грязных трущобах промышленного Каплера в разгар Третьей планетарной и накануне Первой галактической. Война, прожорливая сука, отобрала у него семью, дом и лишила детства. В памяти остались только бесконечные блокпосты, изрытый плазмой бетон и попискивающий дозиметр на шее. Хотя детства его лишили родители, решившие завести ребенка на планете, где почти не было воды, зато было очень много платины и несколько колоний поселенцев, не желающих делить планету с соседями. Ему было пятнадцать, когда он взял в руки файтер и надел броню.

Человечество, дотянувшись до новых звезд, продолжило с упоением драться, самозабвенно вгрызаясь в горло ближнему своему и пытаясь урвать кусок посочнее. Корпорации распахивали ненасытные рты, стараясь сожрать побольше; религии выясняли, чья вера истиннее, добавляя к священному огню ядерный; бывшие государства рвались объявить именно себя империей, то сливаясь в содружества, то разваливаясь на автономии и не замечая, как жернова войны перемалывают человеческие жизни. Бесконечный космос оказался слишком тесным для человечества.

В какой-то момент он сломался. Устал убивать, терять и умирать. Корпорации выжимали своих наемников досуха и выкидывали, как ненужный мусор. Встреча с Командором была чудом.

Корабли колонистов уходили в неизвестность в поисках новых миров и лучшей жизни. Прыгали в туннели, не зная, выйдут ли из них и что их ждет с другой стороны воронки. Командору он почему-то поверил сразу и лететь согласился. А что ему было терять? Комнату без окон на окраине мегаполиса? Грошевых проституток, что рады любому вернувшемуся из рейда? Или синтетические пайки, что выдавали им бесконтрольно – жри не хочу. Его столько раз убивали, что умереть еще раз было не страшно, а все остальное не жалко.

– А как мы ее назовем? – весело поинтересовалась Ани.

Над головой что-то зашумело, и тут же пискнул шлем, предупреждая об опасности. Сергей вскинул руку с файтером, быстро сканируя небо взглядом. Сначала заметил тень от крыльев и только потом его – в бездонной синеве парил дракон. Здоровый, с огромными черными крыльями – метра полтора, не меньше – и длинным, усеянным шипами хвостом.

– Надеюсь, он не плюется огнем, – присвистнул Славка.

«Надеюсь, он не голодный», – подумал Сергей и на всякий случай опустил щиток шлема, так целиться было удобнее. Драконов они уже видели, но на записях дронов-разведчиков рептилии были как-то поскромнее. Этот был истинным хозяином сельвы и явно не одобрял явление пришельцев.

– Эр-р-к-х-х... – проскрежетал дракон и, заложив крутой вираж, начал удаляться.

Командор скупно улыбнулся.

– Эр-Кхар. Ее зовут – Эр-Кхар.

Сергей покатали на языке новое слово. А что, неплохо. Этой планете подходит.

Кроме него самого и Командора в основной команде было еще четверо – ученые-генетики, лучшие в своей области, и сейчас они все стояли у шлюза. Вячеслав Арохин, гений, подаривший миру метод репликации органов. Оксана Вильямс, в шестнадцать защитившая докторскую степень по кибергенетике, в двадцать пять возглавившая крупнейшую лабораторию кибермодификации и в тридцать потерявшая все после выхода закона о запрете создания биоников. Ян Эльссон, автор новой теории генной макроэволюции, обогнавшей свое время на пару столетий. Транкиль дэ ла Мотт, Ани... – умница, красавица, доктор медицинских наук, генетик-практик, бросившая лучшую клинику на Земле в погоне за своей мечтой сделать этот мир чуточку лучше. Единственное, что у Сергея было с ними общего, – он тоже был профессионалом, лучшим в своей области. Он отлично умел убивать.

Стоящим у трапа ученым предстояло сделать из этого мира новый Эдем. Мир, где торжествует наука, где не убивают за неправильный взгляд и неосторожные мысли, где человек не уничтожает все вокруг себя, а мир не мстит ему в ответ. И главное – никому не придется начинать убивать в неполные пятнадцать. Сергей верил, что они справятся. Эти точно справятся – они лучшие. А его задача – не позволить корпорациям дотянуть свои скрюченные пальцы до их нового дома. Ну и заодно проследить, чтобы светил науки кто-нибудь на этой планете не сожрал.

– Это великий день... – Командор обернулся к остальным. – Мы откроем новый мир тем, кто пошел с нами.

Сельва негромко шумела, то ли соглашаясь со словами Командора, то ли возмущаясь нахальству людей. Неизвестно, что ждет их дальше, но назад пути уже не было. Они захлопнули дверь, войдя в первый туннель, сожгли мосты и уничтожили все карты. Они даже не на перекрестке – просто на дороге, и шагать можно только вперед. Прямой и понятный путь. Оглядываться в прошлое Сергей не собирался.

«Ты готов к великим деяниям? И подвигам! Больше героизма! Выше нос!» – Славке было явно скучно слушать речь Командора, он уже рвался в свой научный бой, даже ногой постукивал от нетерпения. Сергей покосился на приятеля и отправил ответное сообщение: «Предпочел бы как-нибудь без подвигов».

«А что, я думаю нас еще назовут великими! Великий Ашер – звучит!»

Сергей посмотрел на сельву, вспомнил парящего дракона, на секунду представил, как тот складывает крылья и пикирует вниз, готовый рвать когтями любого, и вздохнул: «Может, еще обойдется...»

Часть первая. Дар Великих

Глава первая. Именем Великого Ашера

*675 год от Великого Исхода
Звездная система Тейат
Планета Эр-Кхар*

Поток бурлил, завивался и крутил водовороты, будто специально пихая под ноги самые мелкие и скользкие камни. Отвесные скалы сжимались все плотнее, угрожая рано или поздно схлопнуться окончательно и раздавить любого, кто зазеваается. Лучи полуденной Тейат наконец пробились к самому дну ущелья и рассыпались слепящими искрами по воде. Ал поправил тяжелый мешок на плечах и побежал дальше, стараясь одновременно держать равновесие, не слишком часто врезаться в раскиданные по руслу реки камни и не терять скорость.

– Аррох!

Бегущий впереди Ким взмахнул руками, пытаясь ухватиться за торчащий из воды каменный зуб и с громким «плюхом» бухнулся на колени.

– Кша-а-ри... – презрительно протянул Эр, уже добравшийся до конца шиверы, и теперь с видом заслуженного превосходства взирал на отстающих. – Великий Ашер просто в восторге от тебя.

Ким ничего не ответил, встал и пнул свалившийся в воду мешок, явно решив не форсировать последние пять метров – а смысл? Все равно сейчас обратно бежать.

Ал обогнул Кима, педантично дошагивая оставшиеся метры: наставник, конечно, ждал их у верхнего порога, и, кто куда добежал, знать не мог, но Великие-то все видели и вряд ли будут рады кшари, который не способен выполнить приказ своего кахара в точности, до последней буквы. Сбросил ношу, привалился спиной к прохладному камню, чувствуя, как гудят уставшие ноги, и негромко сказал:

– Отстань от него, третий круг уже бежим.

Он сам тоже споткнулся и чуть не упал, только за поворотом, оторвавшийся от них Эр не видел, и признаваться ему Ал не собирался. Да все падают! Даже сейчас, когда вода не по пояс и не по грудь, как в сезон дождей, а всего лишь по щиколотку.

Последним из-за поворота выскочили Ян с Тимом и, добежав до конца, плюхнулись прямо в воду, не обращая внимания на торчащие как попало камни. Ал лениво подумал, что стоит сделать так же: пятерки, чтобы не пихаться локтями в узком русле, стартовали с разницей в десять минут, и сейчас все равно придется сначала дожидаться остальных, а уже потом бежать обратно.

– Как думаете, сколько нам еще кругов? – Ким все-таки подобрал свой мешок и добрел до каменного гребешка, условно отделяющего шиверу от падуна.

– А ты что, уже устал? – живо заинтересовался Эр. – Хочешь, я попрошу кахара тебя отпустить?

Ким обиженно засопел, но говорить ничего не стал, чтобы не нарваться на подначку злее и жестче. Ал иногда удивлялся: как Великие умудрились выбрать Кима в свои стражи? Вот с Эром понятно все, он в их стае самый быстрый и сильный, Ашер точно был им доволен. Ким, правда, почти не проигрывал брату в росте, да и в силе тоже, но если Эр двигался с грацией дикой кошки иби, не слишком уступая ей в скорости и выносливости, то Ким – так, словно его Аррох в спину подпихивал, да еще и подножки вечно ставил.

Вторая пятерка задерживалась, и Ал все-таки сел, с наслаждением вытянул ноги и, выдернув из косы ленту, принялся быстро переплестать растрепавшиеся волосы. И с легкой завистью покосился на братьев – кудрявым среди них был только он, остальные с утра косу заплели – и до вечера нормально, а он уже к полудню на метелку похож, вечно наставники им недовольны.

Они были разные, не похожие друг на друга, и никто не знал, чем руководствуются Великие, выбирая себе стражей. Эр был самым высоким не только в их звезде, но и во всей стае, с кипенно-белыми волосами и голубыми, как размытое полуденное небо, глазами. У Кима волосы тоже были светлые, но больше похожие на золотистый рассвет, чем на ночной туман, а еще он был неуклюжий, задумчивый и какой-то мягкий, будто подушка, которую предлагают гостям, чтобы сидеть удобнее было. Ян, словно в противовес, был чернявым, мелким и вертким, зато он лучше всех метал ножи. Про себя Ал знал только, что волосы у него темно-русые, как и у Тима, а ростом он чуть выше Яна, но ниже Кима.

Великие никогда не призывали в стражи сыновей из одного дома, но всегда выбирали лучших, истинных детей Эр-Кхара, способных защитить свой мир от диких.

Алу стало стыдно за свои мысли: Ким был таким же кшари, как и остальные, и, раз Ашер выбрал его, значит, он достоин. У каждого из них свой путь и своя цель, сомневаться в брате – это сомневаться в выборе Великих.

– Что с ногой? – Ян вопросительно глянул на Кима, задумчиво изучающего собственную коленку.

– Ничего...

– Дай гляну, – Ал привстал и тут же плюхнулся обратно: действительно ничего, слегка кожу стесал – и все, мелочь, к вечеру все такие будут, если наставник решит продлить тренировку.

– Ну, долго они там еще? – Эр не стал садиться, как остальные, только оперся спиной о камень и нетерпеливо постукивал рукой по бедру. – И правда, до вечера тут ползать будем.

Но бегать до вечера им не пришлось, стоило первой пятерке вернуться, как наставник Ксэн махнул рукой, подзывая, и приказал:

– Вы со мной. Надо помочь перевезти энэ на рудники.

– Да, кахар, – слетки синхронно поклонились.

Стоянки коптеров были у всех Храмов, ближе всех был Храм Великой Мот, но наставник приказал выдвигаться к Храму Великого Ашера, на верхние террасы – выше был только Храм Великого Комкхора.

Ал выбрался на берег, сел на камень и старательно вытряс воду из ботинок. С одеждой было проще, легкие штаны и безрукавка, пропитанные соком ишты, почти не промокали, а вот в высоких, плотно зашнурованных ботинках вода будет хлюпать долго. Наставник не подгонял, сам занятый тем же самым: он, конечно, по руслу туда-сюда с пятикилограммовым мешком на плечах не бегал, но ждать стаю предпочитал стоя в воде, так прохладнее было.

Хотя можно было не выливать воду: пока добежали до верха, ботинки успели высохнуть. Ал вспотел и начал слегка завидовать оставшейся бегать стае – им не так жарко. Можно было и не сбивать ноги, начиная с середины подъема было достаточно мест, чтобы прыгнуть, но наставник предпочитал подниматься бегом, и Ал решил, что отдохнет потом. Тем более что транспортировка рабов на рудники была скорее развлечением, чем работой. Интересно, местных надо отвезти или диких? Обычно на рудники ссылали за серьезные преступления, но диких могли отправить и просто так, например, если в Храмах новые рабы были не нужны.

– Мы бы и сами могли долететь, – Ким тяжело вздохнул, но постарался сделать это незаметно от наставника.

– А энэ тоже сами полетят? – изумился Эр и взмахнул руками, показывая, как именно бескрылые должны это сделать. – Рядом с нами?

Коптеры никто из крылатых не любил, но, во-первых, на них выйдет быстрее, во-вторых, как правильно заметил Эр, им приказали доставить рабов, а не просто сгонять на рудники, и, в-третьих, вряд ли наставник Ксэн предполагал, что слетки будут обсуждать его приказ. Точнее, третье – как раз «во-первых», а все остальное неважно.

Коптер был похож на опрокинутую и сплюснутую бочку, на которую сверху немного кривовато водрузили жесткую раму, а к ней уже прикрепили четыре винта – оставалось надеяться, что крепко и винты не надумают оторваться в полете. Ал нырнул в бочку вслед за Яном. Последним запрыгнул наставник Ксэн и прошел вперед, к пилотам, для остальных имелись низкие скамейки вдоль бортов, но можно было посидеть и на полу.

Места у окон уже заняли четверо старших кшари, это понятно: слетков одних не отправят на задание, только в помощь к старшим, чтобы учились и впитывали мудрость. Сидящие на полу рабы были гораздо интереснее. Ал поклонился старшим, опустил на скамейку и покопился на сидевшего ближе всех дикого, вернее, скрючившегося на полу, ошестинившегося острыми коленками и локтями и даже немного волосами.

Еще не взрослый, но уже и не ребенок, ростом, похоже, выше Ала, но существенно уже в плечах, весь какой-то длинный, нескладный и словно... пыльный. Серая кожа, пепельные волосы, торчащие жесткой щетиной, и светлые, как будто размытые водой, глаза под низко опущенными веками. Дикие всегда разноцветные, наставники говорили, это оттого, что у них нет своего дома. У всех эр-кхарцев кожа светлая, а у диких могла быть и черная, и желтая, и вот такая, пепельно-серая, как кора туильника. Но главное отличие даже не в цвете кожи, а в том, что она была совершенно чистая, без намека на венозный узор.

Сила тяжести на Эр-Кхаре была выше, чем в старых мирах. Первым поселенцам пришлось несладко, но уже их дети, слава Великим, рождались измененными – с плотными костями, крепкими мышцами и прочными, способными выдержать повышенную гравитацию, сосудами. Только среди сахри, касты низших, иногда рождались неизменные: у них мог не проявиться венозный узор или проявиться частично – это оттого, что их вера в Великих была недостаточно сильна. Поэтому и жили сахри меньше остальных, повторяя судьбу первых поселенцев. Рабы, впрочем, тоже недолго жили.

Серый раб, заметив, что его рассматривают, съезжил еще сильнее и затравленно уставился прямо на Ала. Тот понимающе переглянулся с Яном: видимо, дикого совсем недавно поймали, еще не знает, что рабам положено опускать взгляд. Ничего, скоро научат...

Дикие. Изгой, не принятые ни одним миром, они мотались по Вселенной в поисках нового дома, но не просили милости, а желали получить силой. Темные, полуграмотные варвары, остановить которых можно было только огнем и мечом. Их счастье, что народ Эр-Кхара был гуманен: захваченных в космосе диких не убивали, давали шанс заслужить право на вечную жизнь в Чертогах Судьбы. Участь рабов была благом для них. На Эр-Кхаре они были сыты, одеты и в безопасности, а что касается плети и ошейника – так это единственное, что могло удержать их в рамках морали. Дикие, что с них взять.

Винты с грохотом закрутились, коптер припадочно содрогнулся, а затем, слегка накренившись на один бок, начал быстро подниматься, и Ал вспомнил, за что он так не любит летающие машины. Мало того, что провести в этом грохоте пару часов было еще тем испытанием, так еще и выбраться из этой бочки с узкими прорезями окон, если та начнет падать, было нереально. Сидящий напротив Ким так сильно вцепился в низкую скамейку, что даже пальцы побелели. Ал не собирался показывать, что ему тут не нравится, не птенец все-таки, только сильнее выпрямился, прижимаясь лопатками к стенке коптера и чувствуя спиной каждую конвульсию летающего монстра.

Все в их мире придумали Великие, и все придуманное Великими было совершенно. Венцом их творения были они, кшари, люди-с-крыльями, но и коптер тоже был делом их рук, а значит, упасть не должен. Машина вдруг содрогнулась еще сильнее и ухнула вниз на пару метров, но потом выровнялась и, натужно завывая двигателем, двинулась дальше. Ал подумал, что коптер Великие изобретали, будучи невыспавшимися и голодными.

Первой точкой назначения была городская тюрьма.

В коптере было жарко, на улицу выгнали даже рабов, усадив в тени разлапистого дерева, пилоты с комфортом устроились чуть дальше, оставив слетков бдить. Старшие кшари ушли, прихватив с собой двоих из их пятерки, остальным пришлось скучать во дворе – приказ был охранять диких, но последние смиренно сидели на земле, не предпринимая попыток нарваться на удар плетью или как-то еще развлечь окружающих.

Ал стоял совершенно неподвижно, заложив руки за спину, широко расставив ноги и равнодушно глядя поверх рабов, но те почему-то все равно нервничали, стараясь, несмотря на жару, сбиться в кучу и отодвинуться от него подальше. И Ким, и Ян стояли точно так же, на первый взгляд могло показаться, что слетки давно думают о чем-то своем или даже дремлют с открытыми глазами, но это было очень обманчивое впечатление. Ал отлично знал, что братья, как и он сам, моментально подмечают все: бледный, тощий раб бросил жадный взгляд на фонтан у стены, но попросить воды так и не рискнул, другой, постарше, что-то тихо сказал остальным, а третий шевельнулся, незаметно отползая подальше в тень; сбоку медленно спланировал засохший лист, капля воды разбилась о каменный желоб, на секунду вспыхнув радужной искрой, а по высокому забору скользнула тень от пролетевшего над ними ушу; тюремный охранник выглянул из сторожки, скрипнув дверью...

На раскаленный камень выползла ящерица и, настороженно приподняв голову, замерла. Ал едва заметно скосил на нее глаза, прикидывая, куда она сейчас побежит – опять спрячется под камень или все-таки осмелится подобраться к воде. Стоять было скучно.

– Напоите их, – приказал наставник, – и обратно в коптер.

Ящерица зеленой молнией юркнула под камень. Ал ожил, шевельнул слегка затекшими плечами, шагнул к диким и ткнул пальцем в серого:

– Ты – со мной.

Серый, вместо того чтобы подчиниться, дернулся и отшатнулся, втягивая голову в плечи. Тот, что постарше, тоже серокожий, наоборот, подался вперед, закрывая младшего. Разницы, кого первым отвести к фонтану, не было, можно и этого, но, когда кшари приказывает, раб выполняет, иначе никак, а значит, должен пойти тот, на которого Ал показал. Даже если придется объяснить это силой.

– Встать, энэ.

Ал подкрепил приказ легким пинком. Так дошло лучше, причем сразу до всех: четверо рабов вскочили как ужаленные.

– Помочь? – Яну было явно скучно и жарко, но повода развлечься не было, рабы опять испуганно замерли, глупо вытаращившись на стражей.

Ал только качнул головой: чего тут помогать, дикие слабые и трусливые, заставить слушаться несложно.

– Ты! Пошел туда!

Языка дикий не знал, но направление понял верно и, оглядываясь на остальных, поплелся в сторону стены.

– Мэтью... – старший дернулся, продолжая лопотать что-то непонятное на своем языке, но Ким молча шагнул вперед, и раб сник, отступая.

Питьевой фонтан еле булькал, выплевывая теплую воду в каменную чашу, за пару столетий та успела выгрызть в камне желоб, и теперь на дне чаши скапливалась едва пара горстей, остальное стекало вниз, к корням обвившей чашу повилики. Ал оглянулся, но кроме узколистной лианы в тюремном дворе ничего не росло и свернуть чашу было не из чего.

– Пей так. – Ал даже продемонстрировал как, зачерпнул ладонью воду, сунул дикому под нос и... быстро отдернул руку: дикий, похоже, из его ладони лакать собрался. Совсем тупой. Самому пить тоже хотелось, но он сильный, потерпит; наставник прав, сначала надо напоить слабых.

Дверь в сторожке опять скрипнула, выпуская на улицу двух эр-кхарцев с ошейниками и связанными за спиной руками. Эти напуганными не выглядели, скорее, просто уставшими, особенно тот, что вышел вторым: здоровый, с гипертрофированными мышцами и характерными тонкими нитками шрамов на руках – такие оставляют разлетающиеся острые каменные осколки. Первый был тощий и невзрачный, сходу его профессию определить не удалось, тоже, скорее всего, из какой-нибудь касты мастеров, для сархи венозный рисунок у него был слишком ярким, а для высококороткого – слишком бледен.

Ал, убедившись, что серый больше не пьет, а тоже посматривает в сторону заключенных, подтолкнул его к коптеру, передавая Яну, и поманил рукой следующего.

Обратная загрузка в коптер заняла больше времени, чем выгрузка: заключенных посадили между старшими кшари, да еще и отгородили от рабов слетками, создав некий буфер на случай бессмысленного и самоубийственного, но все же возможного бунта. Ал теперь сидел на полу, поджав под себя ноги и упершись руками в колени – обычная поза отдыха, обманчиво-расслабленная, но, если что, на ногах он окажется быстрее, чем рабы успеют моргнуть.

Самые крупные месторождения кориума были на севере, за красной пустыней, но и в сельве иногда встречались. Рудник Тин-Хаэ был ближайшим к Хур-Сагу, старым и маленьким – поговаривали, что лет через десять жила иссякнет и его надо будет закрывать, – но пока вполне рабочим. Ал бывал там и раньше: пару раз отвозил рабов, но чаще их посылали забрать ящик отборного камня для жрецов Великой Окханы.

Коптер опять трянуло, на этот раз куда сильнее, чем обычно, и серый, дернувшись, вцепился Алу в плечо, явно перепутав его с поручнем. Ал среагировал раньше, чем успел сообщить, что раб ничего такого не имел ввиду и вряд ли понимал, что, дотрагиваясь до кшари, он рискует умереть гораздо раньше, не дождавшись, пока коптер упадет. Уткнувшись лицом в пол раб тихо заскулил, и Ал нажал на вывернутую за спину руку еще сильнее, с четко дозированной жестокостью – так чтобы не повредить, но и чтобы раб прочувствовал и запомнил, – выждал еще пару секунд для закрепления результата и отпустил.

– Сиди тихо, энэ.

Серый предупреждению внял, не поднимая взгляда, отполз к стене и затих.

Коптер натужно заворчал, чуть наклоняя нос, и в узком окошке замелькали ветки.

На руднике их уже ждали. Вышедший встречать кшари слегка поклонился наставнику, мазнул равнодушным взглядом по рабам и сказал:

– Аштэ велел ждать здесь. Он подойдет позже.

На руднике был только Храм Великого Эльха. Обычно Великие покровительствовали выборочно: Великий Ашер, например, присматривал за кшари, а Великая Мот благоволила лекарям, и только Эльх одарял своей мудростью и добротой всех. Хотя диких Ал бы с чистой совестью порекомендовал Арроху – этим тварям у него самое место, но Великий Эльх даже для неразумных находил нужное слово, указывая верный путь.

Вот только его жрецы за своим Великим явно не поспевали, у них вечно времени ни на что не хватало. В прошлый раз пришлось почти до вечера их ждать, еле успели вернуться в гнездо до темноты, но торопить жрецов, как и обсуждать их приказы, не положено – надо ждать, значит, будут ждать.

Ал натянул на голову капюшон, заложил руки за спину и опять приготовился охранять рабов, причем на этот раз действительно охранять, а не следить, чтобы те не сбежали: они были уже не в городе и не в Храме, вокруг дикая сельва, мало ли кто тут голодный и ядовитый

бродит, не хотелось, чтобы рабов примитивно сожрали без всякой пользы. Даже повернулся чуть боком к пленникам, фокусируясь на сельве, и поправил висящие на поясе ножны.

Конечно, крупные хищники, типа саблезубой кошки иби или драконов на группу людей нападать не будут, да и вообще близко не сунутся, зато кабаны в это время года становились дурными и агрессивными, даже в город умудрялись забегать, не говоря уже о фермах. Новости о вытоптаных рисовых полях и загрызенных фермерах то и дело появлялись. Опять же, ахабея недавно отцвела, а значит, еще пару декад будет опасна: плотная коробочка, сменившая дурно пахнущий цветок, созревая, лопалась, разбрасывая вокруг острые, ядовитые шипы. У самых крупных кустов семена разлетаются метров на двадцать-тридцать, впиваясь во все, что подвернется, а если повезет и подвернется органика, то вот сразу и питательная среда для будущих ростков.

Тренированный кшари успеет засечь характерный треск и закрыться, заодно прикрыв тех, кто рядом, – крыло шип не пробьет, а миряне среагировать не успеют, да и закрываться им нечем. Не говоря уже о недавно попавших на планету диких. Вон сидят, глазами лупают. Серый вообще сразу под дерево уселся, даже не убедившись, что там, например, кротовины нет. Тупой.

Сам рудник и поселок рабов были огорожены от сельвы и зачищены от ядовитых растений, но коптер сел на скальный выступ далеко за забором, чтобы не искушать убогих, а то еще полезут коптер захватывать. Так что лучше было не расслабляться и за сельвой приглядывать: рабы не полезут, а зверье может. Впрочем, разница не велика.

– Какой срок тебе назначил судья? – остановился напротив каменотеса наставник Ксэн.

– Семь лет, – раб торопливо вскочил и склонился в поклоне.

– Если сможешь продержаться до темноты, чтобы они... – наставник кивнул в сторону слетков, – не догнали, твой срок сократят в два раза.

– А... – раб сглотнул, испуганно покосившись на Эра, – если догонят?

– Постарайся, чтобы быстро не догнали, – равнодушно посоветовал наставник и посмотрел на второго эр-кхарца, – тебя это тоже касается.

Диким он предлагать ничего не стал: во-первых, не поймут, а во-вторых, они в любом случае тут пожизненно, зачем их обманывать и предлагать невозможное. Хотя эр-кхарцам тоже предложили выяснить, как часто чудеса случаются.

– У вас будет фора в полчаса, – наставник слегка усложнил задачу охотникам, – попытайтесь ее не потерять.

– Я... не хочу, – дрогнул тощий и отступил назад. – Ты не можешь нас заставить, мы ничего не сделали. Мы чтим Великих и их стражей...

– Не беги, – разрешил наставник и, с секундной паузой, напомнил: – Срок в два раза. Время пошло.

– Руки развяжешь? – торопливо поинтересовался здоровяк. – Или так бежать?

Наставник кивнул, и Тим быстро взмахнул ножом, рассекая узел на веревке.

Тощий задергался, бросая затравленный взгляд то на подельника, то на стражей, но все же решился и протянул руки Тиму.

Они всегда бегут, никто еще не отказывался.

Ал сделал стойку, готовясь тоже сорваться с места, но вспомнил про полчаса и заставил себя расслабиться, провожая взглядом скрывшихся в кустах рабов, можно было и час им дать, далеко не уйдут. Тут вообще бескрылым уйти сложно: рудник был высоко в горах, и отвесные скалы делали спуск в долину практически невозможным. Ал это знал, это была не первая его охота – даже не тренировка, а легкое напоминание рабам, что дергаться не стоит, что не смогут они сбежать, кшари догонят всегда, заставят подчиниться, напомнят, кто несет волю Великих.

А рабов не жалко... Если вдруг случайно шею свернут, на дикого зверя наткнутся или сдуру действительно спрячутся до темноты, то ведь сами согласились, никто не заставлял.

Потому что до утра в дикой сельве легко продержаться может только кшари, а остальные – как повезет. Точнее, на все воля Великих.

– Живыми притащить.

«Сильно не ломать, а то потащите на себе», – перевел приказ наставника Ал, прикидывая, куда эти придурки рванули. Если направо, к дальней гряде, придется догонять пешком, вынюхивая и выискивая следы, а если к нижней террасе, то дело пустяковое: засечь сверху движение и рвануть на перехват.

Ян едва заметно кивнул вниз, туда, где под обрывом торчали темные макушки деревьев. Ал тоже успел заметить, как в густых зарослях мелькнуло что-то светлое, и чуть, одними уголками губ, ухмыльнулся, показывая Яну, что видит. Чем быстрее они закончат охоту, тем лучше, вряд ли наставник оценит, если они провозятся до вечера, и уж тем более не будет ждать их до утра. Не справились? Рабы ушли? Три-четыре удара плетью и ночь у столба наказаний помогут в следующей раз лучше концентрироваться на выполнении приказа.

– Время.

Они сорвались с места одновременно, не ожидая повторения приказа. Пять фигур на бегу окутались туманом, уплотнившийся воздух потемнел, формируя крылья. По спине пробежала дрожь, отзываясь теплом в груди, и Ал прыгнул вперед, в пустоту, привычно ловя ветер, четверо братьев сделали тоже самое.

Эр быстро вскинул руку, привлекая внимание, и Ал расшифровал: «Ким со мной, мы возьмем второго». Это было логично, Эр самый сильный, он подстрахует Кима, ну а раз с Алом идут двое братьев, то им здоровяк. Все честно.

На то, чтобы повторно засечь движение внизу, ушло минут двадцать напряженного кружения над сельвой. Ал уже начал подозревать, что они ошиблись и потеряли время, надо было бежать к гряде, но нет, Тим заметил беглеца. Ал резко скрестил руки над головой и тут же развел в стороны, одновременно выравнивая полет и отдавая приказ. Тим понятиливо приотстал: если раб задержится и решит сменить направление, то он его встретит. Ян, наоборот, ускорился, одновременно снижаясь и показывая на прогалину впереди. Сесть можно и в зарослях, но лучше на пустом месте, тогда не придется терять время на спуск по деревьям и беготню между ними в поисках спрятавшегося беглеца. Надо только этого самого беглеца выгнать к прогалине. Ал показал, что понял. Роль основного загонщика досталась ему.

Заставить жертву бежать прямо в руки охотника было несложно. Ал резко снизился почти до самых макушек деревьев, одновременно распахивая крылья на всю длину и тормозя. Справа гортанно закричал Тим, подражая боевому кличу драконов, и Ал ответил ему тем же, попутно слегка зацепив крылом макушку тархи. Вышло шумно.

Раб ожидаемо завертел головой, отлично зная, откуда ждать охотников, заметил крылатых и задергался, пытаясь найти укрытие. Нырнул под поваленный ствол, сообразил, что его видно, тут же бросился к зарослям лиан, на полпути свернул, пытаясь стряхнуть преследователей с хвоста, и опять метнулся к лианам, явно веря в то, что ему удастся запутать крылатых. Но стоило Тиму тоже снизиться, как нервы у раба сдали окончательно, и он предсказуемо рванул вперед. Туда, где его уже ждал Ян. Слишком быстро, даже неинтересно.

С верхней террасы, с той, где остался наставник, было прекрасно видно охоту, и Ал понимал, что оцениваться будет не только скорость выполнения приказа, но и чистота. Если они быстро приведут раба, их конечно не накажут, но отрабатывать ошибки придется долго. Ал бегло глянул налево, убеждаясь, что Эр тоже выследил свою жертву и у него все нормально, уменьшил размах крыльев и, заложив круг, начал опускаться, четко заходя беглецу за спину.

– Именем Великого Ашера! На колени, энэ!

Раб бухнулся на колени даже раньше, чем кшари приземлились. И с размаху уткнулся лбом в землю, то ли демонстрируя покорность, то ли сразу подставляя под меч шею. Впрочем,

мечи слеткам были не положены, а ножом удобнее горло перерезать, а не шею пилить, так что раб не угадал, надо было на спину падать.

Ал задержал дыхание, и крылья с едва слышным хлопком исчезли.

– Эй! Сопровитляйся! – возмутился Ян. – Мы чего, зря за тобой носились?

– Если он начнет сопротивляться, то нам его потом тащить придется, – резонно возразил Тим. – А оно нам надо?

– А мы его не сильно, ноги ломать не будем, – щедро пообещал Ян. – Только руки. Исключительно для профилактики побегов. Ну и чтобы активнее назад двигал.

Ал промолчал, презрительно рассматривая стоящего на коленях раба. Он понятия не имел, за что его отправили на рудники – за украденную у торговца лепешку просто бы на площади выпороли, раз рудники, значит, убийство или насилие, – но это было не так важно. Ал не понимал иного: почему раб? Почему не попросился на алтарь – смерть куда лучший выбор, чем ошейник. Энэ не имеет имени и прав, не человек и не животное, а что-то неважное, чья жизнь совершенно ничтожна. Великие не видят энэ и никогда не пустят их в Чертоги, они там не нужны, и если умереть, не сняв ошейник, то будешь вечность скитаться в сумрачном мире Арроха без права на помилование. Нет, алтарь точно лучше, ритуальный нож искупит грехи этой жизни, а в той, другой, рядом с Великими, можно попробовать заслужить их прощение.

– Подъем, энэ, – приказал Ян, поняв, что развлечения опять не будет. – Шагай давай.

Вот именно что шагай. У раба крыльев не было, а значит, придется тащиться с ним пешком. Да еще и вверх лезть.

Эра они догнали почти у самого подъема. Тропинка была узкой. Слева зиял обрыв, справа топорщилась неровностями скальная стенка, а под ногами скользил мелкий щебень. Ал, оценив ситуацию, бросился вперед, и Ким с видимым облегчением уступил ему свое место. Ян тоже дернулся, но Эр только недовольно мотнул головой, отказываясь от помощи.

Ал поднырнул под руку рабу, почти взваливая его на себя, и спросил:

– Что вы с ним сделали?

– Ничего, – сердито пробормотал Эр, но потом все же продемонстрировал покрасневшую, до локтя покрытую волдырями руку. – Этот идиот умудрился в заросли хары вляпаться, да еще и упасть. Пришлось лезть за ним, вытаскивать, пока не сдох. Потащили быстрее, его бы к лекарям.

Эру тоже бы надо к лекарям, руку он обжег основательно, но говорить про это смысла не было: получится попасть к жрецам Великой Мог – хорошо, не получится – потерпит, рана не смертельная. Ал присмотрелся к безвольно болтающемуся между ними рабу и поморщился. Если Эр обжег только руку, то тощий умудрился поймать жгучую колючку лицом. Точно горожанин, только он мог не заметить характерные голубоватые бутоны и острые листья, а главное, не почувствовать кисловатый, будто бы что-то забродило, запах. Это в городах всю флору вычистили, подменили безопасными генномодифицированными аналогами, а зверье само подальше отбежало. Рядом с рудником такую зачистку никто не проводил (кого тут защищать, не рабов же?), вот сельва и буйствовала в свое удовольствие.

Хара, жгучая колючка, на любое движение реагировала, выстреливая длинной лианой, оплетая жертву, как паутиной, и присасываясь липучками, – и мало того, что обжигала, так еще и впрыскивала яд под кожу. Конечно, ловушка рассчитана на зверушку поменьше человека: того же хамелеона, сунувшегося за привлеченной запахом мухой, парализует на раз, но и человеку обычно мало не кажется. А этот еще в самый центр куста умудрился упасть.

Раб, словно сообразив наконец, что случилось, хрипло застонал и обмяк окончательно, совсем забыв, как ноги переставлять. Ал с Эром переглянулись и, не сговариваясь, ускорили шаг.

– Тим! Давай вперед! Пусть аштэ зовут, он долго не протянет!

– Понял.

Тим, вместо того чтобы перейти на бег, резко свернул налево, к обрыву. Долететь всегда проще, чем добежать. Ал поудобнее перехватил раба и молча двинулся вперед.

Жизнь людей имела разную ценность. Жреца Ал бы спасал любой ценой. Совсем любой. В конце концов, истинное предназначение кшари – умереть за Эр-Кхар и Великих. Жизнь жрецов, слуг Великих, имела безусловную ценность, так же, как и жизнь ребенка, тут не о чем было думать, с остальными было немного сложнее.

Ценность свободного гражданина была высока, и их тоже положено было спасать, если не приказано иного и если при этом нет серьезного риска для самого спасателя: обменивать жизнь кшари на жизнь дровосека или пекаря глупо. Рабами можно было заняться, если помощь им не отвлекает от более важного и другое ценное имущество уже в безопасности.

Сейчас Алу никакие дела не мешали спасти раба, и что гораздо важнее: у него был приказ вернуть имущество Храма живым. А приказы следовало выполнять, не раздумывая и не обсуждая. И значит, именно этого раба Ал должен спасти в любом случае. Но только этого и только сейчас.

– Давайте сюда, – приказал наставник, стоило им выскочить из-за деревьев, и показал, куда именно надо положить пострадавшего.

Ал с Эром послушно развернулись, направившись к площадке поровнее и с облегчением сгрузили еле дергающегося раба на землю, не забыв развернуть его лицом вверх, чтобы не задохнулся. Раб, несмотря на общую субтильность, оказался достаточно тяжелым, и Ал откровенно устал его тащить.

Дикие на их появление среагировали шумно: задергались, вскочили, что-то загомонили на своем языке. Серый вообще вытаращился на Ала так, словно у того драконий гребень прорезался и хвост отрос, даже рот открыл. Ал спокойно прошел мимо и сел на землю рядом с Яном. Пусть диких местные кшари успокаивают, теперь рабы – их ответственность, а он с братьями на сегодня отдежурил. Сейчас погрузятся обратно в коптер и – назад, в Храм. Может, даже успеют на ужин и вечернюю медитацию.

– Когда-нибудь они притащат труп, – недовольно нахмурился жрец.

– Тогда они нарушат приказ и будут наказаны, – согласился наставник.

Лежащий на земле раб дышал тяжело и сипло, лицо у него опухло, губы посинели, а глаза заплыли. Ал мысленно пожал плечами: ну они же успели его притащить живым, а в колючку он сам вляпался. И на диких впечатление правильное произвели, вряд ли будут теперь дергаться и пытаться сбежать. Вон серый так и стоит с открытым ртом. Ничего, им полезно посмотреть на то, что их ждет в сельве. Жалко, наставник и этих побегать не выгнал, диких загонять обычно веселее.

– Подождите, – приказал жрец, – сейчас вам принесут груз для Слышащих Голос.

– Конечно, аштэ, – поклонился наставник.

Жрец убедился, что пострадавшего раба погрузили на носилки, а остальных подняли и повели в сторону поселка, и добавил:

– Пусть тень Ашера следует рядом с вами.

– Спасибо, аштэ.

Жрец развернулся и неторопливо пошел в сторону Храма. Наставник почтительно дождался, пока тот отойдет на приличное расстояние, и только потом обратился к слеткам:

– Неплохо, но вы забыли, что горожане неважно ориентируются в сельве, позволить энэ бежать без контроля было ошибкой. Он чуть не погиб. Великий Ашер не одобрил бы глупую потерю...

Все пятеро учеников сидели на земле абсолютно неподвижно, поджав под себя ноги, упершись руками в колени, с идеально ровными спинами и застывшими взглядами, никак не реагируя на сказанное, но впитывая в себя каждое слово. В одинаковой одежде, они отличались только цветом волос, заплетенных, впрочем, в совершенно одинаковые косы.

А лиц у кшари не было вовсе.

Глава вторая. Аштэ и дракон

– Пятеро Великих указали путь нашему народу, когда дикость поглотила отсталые миры. Они смогли изменить наши тела, чтобы Эр-Кхар принял своих новых детей. Они научили нас менять растения, не убивая мир. Мы долго жили в гармонии и процветании, но дикие нашли дорогу к нашему миру...

На широкий подоконник плюхнулся птенец ушу и замер, настороженно косясь на людей. Совсем мелкий, размером с пару ладоней, с ярко-желтым гребнем и пепельно-серой кожей; скоро гребень на спине потемнеет, сменит цвет на красный, толстые кожистые крылья окончательно сформируются, и хищная рептилия станет нешуточной угрозой для кшари. Но пока слеток был скорее смешной, чем страшный: уселся, хвост задрал и косит зеленым, прикрытым тонкой складкой века глазом. Обычно к сезону дождей ушу перебираются выше в горы, где не так сыро, а этот почему-то задержался.

Ал присмотрелся и удрученно нахмурился: одно крыло у птенца было подрано – то ли за торчащий сук зацепился, то ли с сородичами добычу не поделил, кто знает. Рана была небольшой, у взрослых драконов такое затянется само, но птенец был слишком мал, а кожистая перепонка крыльев еще до конца не сформировалась, и вряд ли поврежденное крыло удержит маленького ушу в воздухе.

– Ты чем-то занят?

Узловатая палка, вырезанная из прочного стебля бамбука, стукнула по плечу. Ал вздрогнул и уставился на наставника, но тут же опомнился и опустил взгляд.

– Прости, кахар.

Любоваться дракончиком было интересно, но опрометчиво. Другие ученики сидели смиренно, преданно таращась на наставника, – наказание грозило только одному, самому бесполому. Ал выжал из себя максимум смирения, продавливая взглядом дырку в полу. Палка все еще находилась в опасной близости и в любой момент могла опуститься на спину или прогуляться по плечам.

– Останешься после занятий.

– Слушаюсь, кахар.

Ал заставил себя сосредоточиться. Эту лекцию им читали в конце каждого модуля обучения, и он знал наизусть все, что скажет наставник. Что старый мир погряз в дикости, почти убив свои планеты. Люди отравили воздух, землю и воду, а полчища машин заменили своих создателей, вытеснив человечество на обочину жизни. Бесконечные войны, болезни, голод – хроника тех времен вызвала желание уйти в Чертоги, не дожидаясь зова Великих. Ибо к Арроху такую жизнь!

Открытие межзвездных переходов только усугубило ситуацию. Зараза из метрополии перекинулась и на колонии. Пятеро Великих, поняв, что дикость им не обуздать, увели своих последователей в новый мир. Гигантский звездолет вошел в гиперпространственный туннель, чтобы, выйдя из него, оборвать все связи со старым миром.

Но у диких тоже были звездолеты, Галактика оказалась не такой большой, как можно было подумать, и тогда Великие, чтобы защитить новый дом, выбрали первых стражей – кшари. Идеальных воинов, созданных для того, чтобы закрыть собой Эр-Кхар, безоговорочно преданных делу Великих, не знающих сомнений и жалости. Единственной истинной целью их жизни была смерть в бою.

Все это Ал мог повторить даже посреди ночи, если кому-то приспичит его разбудить и спросить. Хотя если кто-то ввалится ночью в келью стража, то сначала получит нож в горло, а потом может попытаться задать свои вопросы. И неважно, что Ал еще не истинный кшари, а слеток, почти как сидящий на подоконнике ушу: сначала бить, а потом спрашивать, чего

хотел непрощенный гость, учили даже птенцов. Тем более что до испытаний осталось каких-то полгода, потом посвящение, и он станет младшим кшари, получит настоящий меч и узнает, какую судьбу для него выбрали Великие.

– Все свободны, – голос наставника выдернул из мыслей ровно в тот момент, когда Ал примеривал на пояс ритуальный клинок.

В широкой дверной арке случилось небольшое столпотворение. Ким, как обычно, споткнулся, умудрившись зацепиться за дверь, другие запнулись уже за застрявшего Кима, и только Эр, красиво всех обогнув, легко пробился вперед, не забыв по дороге обидно оттеснить остальных в сторону. Наставник, дождавшись, пока комната опустеет, подошел к окну и, сложив руки на груди, принялся изучать прыгающего по подоконнику птенца. Ал молчал, его не спрашивали, а первым начинать разговор было нельзя. Тишину в комнате нарушал только веселый клекот виновника происшествия – ему-то шуметь не запрещалось.

– Скажи мне, Ал, почему кшари носят маску?

– Потому, что у кшари нет лица. Мы все равны пред Великими, и мы едины. Кшари не существует вне Храма, а Храм – без кшари.

Ответ, намертво зашитый на подкорке мозга, прозвучал раньше, чем Ал успел удивиться вопросу: эту прописную истину каждый птенец знает. Как только Великие указывали на ребенка, его лицо закрывали маской и больше ее не снимали. Это не было прихотью жрецов, всему есть объяснение: Великие могли выбрать ребенка из любого дома и даже взять сархи, только Ашер видел тех избранных, сердца которых можно подключить к Эль-Кору, и маска стирала разницу между великорожденным и сархи, делая всех равными. А еще говорили, что это для того, чтобы дом забыл тех, кого отдал, и не пытался узнать в крылатом страже своего сына.

Маску делали из загустевшего сока гевеи – тягучая и пористая, она позволяла коже дышать, отводила пот, да и просто защищала лицо: когда бежишь по сельве, увернуться от всех ветвей не получается – то одна хлестнет, то другая зацепит. Если бы не маски, то они бы вечно ходили с исцарапанными в кровь лицами. И носить ее было легко, достаточно немного погреть в руках, и тонкая, украшенная черным рисунком маска прилипала к лицу, оставляя свободным носогубный треугольник и глаза. Миряне тоже иногда носили маски, попроще, конечно, сделанные из куска ткани или сетки, особенно работавшие в сельве, но только служители Великих никогда не появлялись с открытыми лицами на людях. Их настоящие лица видели лишь жрецы Великой Мот, да и то потому, что кшари обычно попадают к ним без сознания.

– Тогда почему все твои братья слушают, и только ты позволяешь себе отвлекаться, когда твой кахар говорит голосом Великих?

– Прости, кахар, я не хотел.

– Не хотел? У тебя не получается сконцентрироваться на главной задаче? Может, ты еще не вышел из возраста терока? Уверен, что готов к испытаниям?

Щеки под маской жарко вспыхнули, и Ал задохнулся от стыда. Он не птенец! Они не могут его отстранить! Пусть лучше отправят его к столбу наказаний – пять ударов хлыста лучше, чем позор.

– Великие выбрали тебя, Ал, неужели они ошиблись? Они подарили тебе Эль-Кор и крылья! Половина эр-кхарцев мечтают оказаться на твоём месте, но избранный – ты!

Слова хлестали не хуже плетей. Ал склонил голову еще ниже, упираясь взглядом в темно-зеленый пол. Наставник продолжал говорить. Про то, что кшари не должен отвлекаться, он следует приказу и не смотрит по сторонам. Что умение концентрироваться – главное, ничто не должно мешать идти к цели. И что смирение – основа существования кшари...

Лучше бы он посмотрел в окно на занятиях наставника Таноха – тот бы молча хлестнул плетью или отправил на дополнительную медитацию, но точно не стал бы затягивать с наказанием. Наставник Сларох тоже любил свою палку, но чаще предпочитал воспитывать неучей словами и длительными покаяниями в Храме.

– Тебе есть что сказать?

– Я готов понести наказание, кахар.

– Наказание... – наставник задумчиво стукнул палкой по полу, звук вышел глухой и долгий. – Поймай этого ушу и отнеси в Храм Великой Окханы.

Если Ал и удивился, то совсем немного. Ушу иногда ловили и приручали, но обычно этим занималась верхняя стража, те, что служили при Храме Великого Комкхора, и большого ушу они бы не взяли, боевого дракона из него не выйдет. Может, слетку смогут помочь Слышащие Голос?

– Да, кахар.

– Иди... И пусть тень Ашера следует рядом с тобой.

Ал поклонился и, не давая шансов наставнику передумать, выскочил из комнаты. Пронесся по коридору, не снижая скорости, и только на улице выдохнул. Уф! Было бы совсем стыдно не попасть на испытания из-за такой глупости, Эр бы тогда еще пару лет над ним издевался. А так, всего лишь поймать птенца, ерунда.

Круглый циферблат висящих на стене школы часов был разбит на двадцать пять больших делений и сотню маленьких – минутных. Толстая стрелка уже отсчитала половину нового круга, тонкая почти ее догнала – время тренировки по рукопашному бою, если он поторопится, то, может, даже успеет к ее окончанию.

Дракончика на подоконнике уже не было, рядом с крыльцом тоже. Ал растерянно оглянулся, но толстые лианы сплелись над школьным двором в плотный купол, защищая его и от палящего зноя, и от проливного дождя, а заодно и полностью ограничивая видимость. М-да, поймать дракона будет не так-то просто.

Сезон дождей только начался, но густой полог уже был полон влаги. Мрачный, увешанный тучами Мушен всегда нравился Алу куда больше времени Каскаля – слишком жаркого, сухого и ветреного. Но самым лучшим конечно был прохладный Кисаль, когда дуют северные ветры, наполняя воздух влагой, но он же был и самым коротким, всего лишь передышка между засухой и сезоном дождей.

Наставники говорили, это из-за того, что их континент опоясывает планету точно по экватору, а горы с одной стороны и океан с другой обеспечивают муссонные ветра. На других планетах континенты разбросаны как попало и дожди идут круглый год, правда, не каждый день, а как им заблагорассудится. Ал считал, что это зверски неудобно, никогда не знаешь, что завтра тебе на голову упадет. Другое дело у них! Каскаль всегда заканчивался в одно и тот же время и каждый раз одинаково: сначала стихал жаркий ветер, и на долгих три дня наступало затишье, даже обитатели сельвы замолкали в ожидании перемен, затем на небе появлялись легкие пористые облака и приходили северные ветра, поначалу едва заметные, наполняющие горы легким шепотом, потом сильнее и сильнее, пока наконец первая гроза не ознаменует начало Мушена.

В городе первые три дня Кисаля был большой праздник – Сикиль, окончание засухи и начало нового года. На центральной ярмарке запускали в небо бумажных драконов, а во всех Храмах приносились жертвы во славу Великих. Даже возраст у кшари считался по тому, сколько раз тот встретил Сикиль – следующий у Ала должен быть пятнадцатым, и он наконец-то станет настоящим кшари. Хотя возраст был важен только для птенцов и слетков, интересоваться у взрослых кшари, сколько им лет, было не принято. Кшари служит Великим, пока может держать оружие, а когда не удержит... Ну что ж, шагнуть в Чертоги Судьбы с жертвенного алтаря не менее почетно, чем с поля боя.

Ал прикинул, куда мог отправиться птенец, и вспомнил, что видел пустое гнездо на скальном выступе. Опустело оно не так давно, еще пару декад назад там сердито шипела тройка птенцов ушу, да и мама-дракон иногда появлялась.

Бежать туда было долго, он же не ушу, чтобы прыгать с ветки на ветку, куда проще долететь, только сначала надо выбраться из-под плетеного навеса и добежать до ближайшей открытой площадки. Еще одно отличие от ушу – кшари не умели летать, как птицы, нельзя было взмахнуть руками и взмыть в небо. Сначала надо было разогнать пульс до рабочего, запустить Эль-Кор, дожидаться, когда сформируется силовое поле, и только потом прыгать со скалы, ловя нужный ветер.

Ал остановился на краю площадки, глубоко вздохнул, коротко, резко выдохнул и начал разбег. Крылья, подчиняясь движению, развернулись во всю трехметровую длину, упруго ударив о воздух. Венозный рисунок на теле налился иссиня-черным – в теле кшари каждая вена, каждая артерия и сосуд были оплетены дополнительным слоем псевдоэндотелия, плоскоклеточной оболочки, распределяющей энергию Эль-Кора по всему телу. Одна часть оболочки управляла крыльями, другая работала силовой обвязкой, держа тело в правильном положении, остальные усиливали кровоток, заставляя мышцы работать эффективнее. На плече и дальше по спине вдоль позвоночника, спускаясь к пояснице, проступили направляющие крыльев – управляющий контур смодулированного силового поля. Все это придумали Великие, а встроили в тело Слышащие Голос, создав из обычного ребенка птенца кшари.

Мышцы привычно закаменели, и Ал чуть повернул кисти рук, заставляя крылья двигаться активнее. Заложил широкий круг, ловя ветер, и едва заметно улыбнулся. Больше всего на свете он любил эту бесконечную свободу полета: выбеленное жаром или придавленное тучами небо, зеленый ковер сельвы внизу и ветер. Он почти не помнил то время, когда еще не умел летать, зато хорошо помнил свой первый настоящий полет и чувство бешеного восторга, затопившее все тело. Крылья были не просто даром Великих – они были самой его сутью, его жизнью. За этот дар Ал был готов служить Великим до последнего вздоха в этой жизни и еще немного потом, примерно вечность, в Чертогах.

Он не ошибся, мелкий ушу крутился недалеко от выступа, прыгая с камня на камень в опасной близости от края. Гнездо было ниже, спуститься так просто не получится, да и делать в гнезде птенцу было нечего, но мелкий, потеряв свою стаю, пытался вернуться туда, где когда-то было сытно и безопасно. Видимо, взрослые улетели совсем недавно, смирившись с потерей птенца.

Птенец прыгнул на очередной валун, бестолково дернул крыльями и тоскливо заклекотал, зовя сородичей. Ал решил опуститься подальше, за кустами, чтобы не напугать ушу, а потом уже решить, как лучше подманить птенца.

За спиной хрустнула ветка. Ал быстро обернулся и так же быстро поклонился.

– Аштэ.

Жрица была совсем мелкой, ниже его на голову, да и белый ученический пояс показывал, что перед ним не взрослая жрица, но уважение следовало высказать все равно. Тем более что перед ним была аштэ Великой Мот, а к ним кшари всегда относились с чуть большим вниманием, чем к остальным.

– А что ты хочешь сделать?

Ал удивился: аштэ редко говорят со стражами, только отдавая приказы, а эта уставилась на него с явным любопытством и ждет, когда он ответит.

– Мне приказали его поймать.

– Ух ты, – почему-то обрадовалась жрица, – а можно я с тобой?

Ал с сомнением посмотрел на мокрые от дождя валуны, прыгающего в опасной близости от обрыва ушу и рискнул покачать головой:

– Это небезопасно, аштэ. Тебе не следует к нему подходить.

Аштэ разочаровано вздохнула и зачем-то сказала:

– Меня Мара зовут.

Ал не понял, что ему делать с этой информацией, и на всякий случай опять поклонился.

– А как ты его будешь ловить?

Не успел Ал признаться, что он еще не придумал, как птенец вытянул шею, покрутил головой, глянул в их сторону и... растопырив крылья, бодро рванул к обрыву.

– Аррох!

– Хватай его!

Приказ немного запоздал. До края обрыва было метров десять – как раз разогнать пульс и развернуть крылья, на бегу даже удобнее.

Внизу, за камнями раздался громкий клекот. Глупый птенец отчаянно бил крыльями, пытаясь взгромоздиться обратно на уступ, но сил ему явно не хватало.

Воздух толкнул в крылья, и Ал скользнул ниже, готовясь подхватить птенца. Чуть скорректировал полет, убедился, что ушу все еще пытается удержаться на месте, облегчено выдохнул и... громко выдохнул:

– Аррох!

Над обрывом торчала голова в красном капюшоне. Маленькая жрица все-таки сунулась к обрыву, наплевав на его слова, и, если она поскользнется, то он ее точно не сможет поймать и удержать.

– Помоги ему!

Падать жрица вроде не собиралась, а собиралась командовать и давать ненужные советы. И чего ей в кустах не сиделось? И почему она вообще не в Храме? Ал скользнул к скале, умудрившись в последний момент развернуть крыло так, что оно подтолкнуло маленького ушу снизу. Этого хватило, птенец суматошно забил крыльями и плюхнулся пузом на камень.

– Держу!

Над обрывом взметнулся красный плащ, и клекот стих.

Алу пришлось заложить еще круг, ловя восходящий поток, набрать высоту и только затем опуститься на площадку. Довольная жрица сидела, поджав ноги, а рядом с ней шевелился плащ.

– Я бы сам справился, – возмущенно бухнул Ал и, сообразив, что указывать аштэ – плохая идея, запнулся и неловко добавил: – Ты мокрая теперь.

Мара приснула и небрежно смахнула с лица мокрые волосы, темно-рыжая, закрученная в спираль прядь упрямо прыгнула обратно.

– Ничего, высохну.

Спорить Ал не стал, просто стянул безрукавку, оставшись по пояс голым, и кивнул на копошащегося под плащом ушу.

Да, все-таки легкость задачи Ал переоценил, а может, птенец понял, что это его последний шанс спастись от чего-то однозначно ужасного, и решил драться за свою жизнь изо всех своих драконьих сил. Стоило аштэ сдернуть плащ, как ушу прыгнул вперед, увернувшись от летящей сверху безрукавки и метя Алу в колено. Ал отпрыгнул раньше. Ушу впустую щелкнул зубами, взмахнул крыльями и опять бросился к обрыву.

– Да чтоб тебя...

Ал подхватил безрукавку и рванул следом, через шаг понял, что ушу шустрее, а разогнать пульс до рабочего и запустить крылья он уже не успеет. На втором шаге прыгнул, рискуя поскользнуться и улететь с обрыва прямо так, без крыльев, взмахнул рукой и швырнул безрукавку.

На Эр-Кхаре жизнь любого детеныша была священна, будь то человеческий ребенок, птенец или щенок. Нельзя забрать жизнь любого из них, за жизнь птенца могут наказать так же, как за жизнь человека. Но сейчас птенец не просто стремился побыстрее отбыть в Чертоги, но и объявить Ала соучастником. Аррох!

Ал даже зажмурился, представив, как ушу падает вниз, запутавшись в его безрукавке. Но Великие были сегодня милостивы: ушу не успел пробежать каких-то полметра, когда на него

сверху упала непонятная тряпка, лишив возможности смыться от страшных двуногих. Мир жесток, а естественный отбор просто делает его совершеннее. Но не в этот раз.

– Ты его поймал!

Радость жрицы была такой искренней, что Ал невольно улыбнулся, но поворачиваться к жрице не стал: эмоции не нужны, они лишь отнимают время. Он же кшари, а не мирянин, чтобы радоваться такому пустяку.

Впрочем, служителям Великих тоже не следовало проявлять эмоции, но рыжую это, похоже, не волновало.

– А куда его теперь? – Мара подошла ближе.

– К Слышащим.

– К Слышащим? – радости в голосе жрицы поубавилось. – А зачем?

– У него крыло повреждено, может, они вылечат.

– Они не лечат, они и-зу-ча-ют, – презрительно протянула жрица, – давай лучше в Храм Комкхора отнесем.

– Мне приказали, – отказался Ал.

– Ну, или спрячем? Будем кормить по очереди, пока не окрепнет?

Ал молча вытаращился на жрицу.

– Не получится, – вздохнула рыжая. – Тебя накажут.

Ал согласно кивнул и торопливо шагнул к попискивающей куче, пока жрица не придумала еще какой-нибудь план, как оказаться у столба наказаний.

Храмы Великой Окханы всегда отличались от остальных Храмов. Внешне вроде такой же, привычные невысокие домики, с плетеными стенами и крышами-пагодами, и алтарь на месте, и идол Великой Окханы рядом, а все равно было что-то в этих Храмах странное и тайное. Слышащие Голос Великих никогда не пускали внутрь чужих, даже кшари, стражи стояли только снаружи. Подойти ближе можно было лишь с разрешения жрецов. Говорили, что даже аштэ других Храмов не могли зайти к Слышащим. Да и служители дома Великой Окханы были особенными – шутка ли, ясно слышать голоса Великих. Такое дано единицам. Без них мир Эр-Кхара не стал бы лучшим. Как можно создать что-то новое? Только узнав от Великих, иначе никак. Все создано теми, кто ушел в Чертоги почти семьсот лет назад, но не бросил свой мир и детей, а продолжал им помогать, выбрав себе Слышащих. Именно Слышащие меняли геном растений, создавая новый Эр-Кхар, лучший мир в этой Вселенной.

Ал остановился у идола и приготовился ждать. Дальше идти было нельзя, но к ним наверняка кто-нибудь выйдет. Рыжая, зачем-то увязавшаяся за ним, встала рядом.

Дальше, за Храмом, были только кельи жрецов и кусты охлона, который в период цветения наполнял воздух едким, туманящим мозг ароматом. Там даже тренировочных площадок не было, Слышащие не учились драться, все свое время проводя в классах. Ал не представлял, чему можно столько учиться, они еще птенцами освоили чтение, письмо и счет, этого было достаточно. Сейчас в классах они изучали только тактику и стратегию боя, но это не занимало много времени. В городе вообще не было школ, и это тоже было правильно: все новое исходит от Великих, а до людей их мудрость доносят Слышащие.

– Надо у них спросить, что они сделают с ушу... – тихо прошептала Мара.

Ал только покосился на жрицу, искренне надеясь, что она не ожидает, будто это сделает он... Спросить Слышащих! Совсем ненормальная аштэ.

Минут через пять из Храма вышла седая жрица в сером плаще и равнодушно поинтересовалась, кто и зачем их послал. Ал коротко и быстро доложил и опять замер, преданно тараща в дерево за спиной старой аштэ: смотреть в глаза было нельзя, а опускают голову только рабы.

Жрица обернулась и громко крикнула:

– Кхая!

Из Храма выскочила жрица, и Ал меланхолично удивился: везет ему сегодня на рыжих. Правда, эта была повыше Мары и потоньше, волосы светлее и плащ серый, а не алый, но все равно чем-то похожа на Мару. И тоже ученица, пояс белый.

– Кхая, заведи у них ушу и отнеси в лабораторию. И верни стражу его одежду. Жди, страж.

Ал поклонился, опять покосившись на Мару, рыжая вместо того, чтобы выяснять судьбу ушу, шагнула назад и вбок, прячась у него за спиной. Не будет он спрашивать! Какая разница, что они сделают с пленцом? Ушу и так бы погиб, обессилев от голода, может, даже сегодня или через пару декад. А Слышашие все делают на благо Эр-Кхара, это любому известно...

– Аштэ, я могу спросить? – Ал поклонился еще ниже.

Старшая жрица, уже собравшаяся уйти, удивленно обернулась.

– Да, страж?

– А... – Ал изумился собственной глупости, – что с ним будет? Вы ему поможете?

Удивление жрицы сменилось явным раздражением.

– Ты выполнил приказ, страж. Жди.

Ал протянул живой сверток и склонил голову, чувствуя странную обиду: может, и правда надо было спрятать ушу? Не так страшно крыло и подрано, зажило бы... И не наказали бы его сильно за невыполненный приказ, оставили бы пару раз медитировать вместо ужина, не привыкать. Права была рыжая, зря они пришли... И тут же испугался своих мыслей: ему же приказали, значит, такова воля Великих, нельзя думать иначе, это плохо.

Ждать пришлось долго. Если бы не приказ, Ал плюнул бы и ушел, безрукавку и другую можно взять, а там тренировка идет, мог бы успеть. Но приказ был однозначный, значит, надо стоять и ждать. Ал едва заметно подвигал плечами – дождь щекотал голые плечи и спину – и опять замер. Жрица тоже почему-то не уходила, так и топталась рядом, обижено сопя.

– Держи.

Ал ожил, только когда вышедшая из Храма аштэ подошла почти вплотную и протянула аккуратно свернутую безрукавку, переступил с ноги на ногу и опустил взгляд чуть ниже, перестав пялиться на конек крыши. Как и было положено. Правила облегчают жизнь, позволяют откинуть ненужное и сконцентрироваться на главном. Это миряне в городах суматошные и бестолковые, вечно кричат и куда-то бегут, а стражи Великих выполняют приказы – и ничего иного.

– Куда вы его дели?

Ал вздрогнул и тоскливо посмотрел на Мару, та, явно осмелев без старшей жрицы, вылезла из-за его спины и уставилась на вторую рыжую, очень напоминая встопорщенную и ужасно сердитую кошку иби.

Слышашая тоже вздрогнула и, сердито нахмурившись, уставилась на Мару. Алу очень захотелось, чтобы его наконец отпустили.

– Он... в клетке.

Говорила она странно, делая длинные паузы между словами и слишком растягивая гласные. Интересно, из какой она провинции? И венозный рисунок совсем слабый на руках, как у сархи... Додумать Алу не дали.

– Зачем? Что вы с ними делаете?

– Я... не знаю.

Мара озадаченно почесала нос и посмотрела на Ала, явно ища поддержки. Ал вдруг сообразил, что, похоже, он тут самый старший, и совсем растерялся. Аштэ отдают приказы, а он выполняет – это правильно и понятно, а что делать сейчас?

– А узнать можешь? – не дождалась поддержки Мара. – Его надо спасти!

Слышашая уставилась на Мару примерно так же, как и Ал. Алу стало окончательно тоскливо.

– Что ты хочешь, чтобы помочь? – нетерпеливо стукнула ногой Мара, игнорируя недоуменное молчание.

– А что у вас есть?

У Ала точно ничего не было, что можно было обменять на странную и лишнюю для него информацию: плашка-светильник в келье и циновка для сна вряд ли заинтересуют Слышащую. Мара тоже озадачено нахмурилась, но тут же вскинулась:

– У нас в Храме есть четки, я могу... взять одни. Хочешь? Красивые.

Четки обычно носили старшие аштэ, младшим они были не положены, а уж те, что лежат в Храме, точно используются только в ритуалах. Ал видел резной ящик в Храме Великой Мот, наполненный четками, там были и деревянные, попроще, и выточенные из камня, прозрачного, как горный ручей, с застывшими внутри рыжими искрами. Ящик был небольшим, и вряд ли старшие жрицы не заметят пропажи. Мелкая с ума сошла! Ее же накажут, и хорошо, если просто высекут, а если выгонят из аштэ? Жрец, которому отказали от Храма, может вернуться в город, а это хуже, чем смерть, она не понимает...

– Нож, – быстро предложил Ал, не успев толком обдумать свое решение. – У меня есть нож.

– Покажи, – тут же повернулась Слышащая.

Жрецы ходили с ритуальными ножами, тонкими и обоюдоострыми, у кшари ножи были тяжелее, предназначенные для боя, и делали они их сами. У Ала было еще два запасных, делает и третий – они часто ломаются, никто даже не заметит, что у него другой нож. Но этот был самый удобный... Ал вытащил нож, искреннее надеясь, что Слышащая откажется. Да зачем он ей? Точно не нужен.

– Годится. Что вы за него хотите?

Ал постарался подавить разочарованный вздох.

Мара хотела совсем немного: чтобы Слышащая пообещала, что ушу вылечат и отпустят, или чтобы выпустила его сама, а еще можно поговорить со старшими аштэ и попросить отдать ушу в верхнюю стражу... Ладно, но хоть рассказать, что собираются делать с птенцом, Слышащая может?

– Я попробую.

Ал вздохнул и снял с пояса еще и ножны, просто чтобы Слышащая не таскала нож просто так.

Выяснить, что Слышащая разузнала про дракона, Ал не стал, лишнее это и ненужное. А еще один нож сделал, все равно тот уже маловат был.

Глава третья. Странные дикие

Сны всегда нелогичные, суматошные и бестолковые. Чаще всего снилась сельва – мелькающая под ногами бесконечная тропа, запутавшиеся лианы и колышущийся бамбук, – особенно если перед этим намотать по этой самой сельве километров десять-пятнадцать бегом. Или атакующий ушу, от которого никак не получается увернуться. Но иногда, как сегодня, снилась полная чепуха. Ал понятия не имел, когда он видел клоуна на ярмарке, но вряд ли он был синий, с круглой нашлепкой на носу и странно колышущийся, как считало сонное под-сознание.

Ал сны не любил, обычно они снились, когда не хватало сил на вечернюю медитацию, очищающую разум. Вот и вчера он вырубился раньше, чем слова мантры выгнали из головы лишнее. Наставники опять будут им недовольны.

Из-за деревьев вынырнул дракон, заложил широкий круг и громко заклекотал. Его наверняка не волновали наставники...

Ал плавно подтянул колено к груди, балансируя на одной ноге. Утренняя Тейат еще не нагрела сонный воздух, лишь разогнала обрывки ночного тумана, и тот осел седой росой на темную траву. Бамбуковый пенек под ногой негромко скрипнул. Ал развел руки в стороны, прикрыл глаза, сосредоточиваясь на дыхании и окончательно выбрасывая из головы глупый сон, почему-то не забывшийся сразу поутру.

Из транса его вывело гулкое «бум», раскатившееся по ущелью. Время утренней медитации подошло к концу, теперь надо бежать на завтрак, а потом на занятия. Сегодня он выбрал дальний сад, бежать отсюда чуть дольше, чем остальным, зато здесь тихо, не слышно, как стучат посудой и болтают на кухне рабы, никакие лишние звуки не мешают встречать новый день. А потом, он уже не мелкий тэррок, чтобы медитировать под контролем наставников, Эр вон вообще к реке бегаёт.

Тропинка начиналась чуть выше, надо только обогнуть толстый ствол засохшей секвойи.

Ал легко перепрыгнул через поросший сине-зеленым мхом камень и резко остановился. Впереди, тяжело дыша, поднимался человек, тащивший на спине заполненную плодами имаги корзину. Судя по коротко выбритому затылку и черному ошейнику, раб.

– С дороги, энэ, – негромко приказал Ал, нетерпеливо похлопывая себя ладонью по бедру.

Человек не обернулся, упорно продолжая занимать всю тропинку.

– Эй! Я кому говорю!

– Sod off...

Языка диких Ал не знал, но недовольные интонации не оставляли двоякого толкования.

– Что?!

Эль-Кор в груди послушно отозвался горячей волной, и за спиной развернулись прозрачные, подернутые голубой рябью крылья. Ал не стал догонять наглого раба – вот еще! – просто резко повернулся боком и взмахнул рукой. Крыло, продолжая движение руки, ударило по человеку, отбрасывая его в сторону. Круглые рыжие плоды поскакали вниз по тропинке, а следом за ними и корзина. Ал склонил голову к плечу, разглядывая упавшего раба.

Где-то он его уже видел. Эту серую кожу и такие же серые волосы, не его ли они тогда отвозили на рудник? Хотя это неважно, видел и видел, Аррох с ним.

Сидящий на земле раб растирал рукой колено и мрачно таращился на обидчика из-под насупленных светлых бровей. Ал даже восхитился такой наглостью: понимает, что кшари гораздо сильнее, но сидит и нарывається на еще один удар. Но это скорее не наглость, а глупость. Дикие – они тупые.

Кажется, в прошлый раз он был не такой... ершистый.

– Что здесь случилось?.. – выскочивший на тропинку человек охнул и суетливо поклонился. – Прощу простить, страж.

– Он перекрывал дорогу, – пожал плечами Ал. – У тебя вопросы, энэн?

Смотритель рабов склонился еще ниже.

– Нет... Ты в своем праве, страж.

Серокожий раб наконец перестал пялиться и отвел взгляд, видимо, сообразив, что гордость – это не то, что положено рабам. Ал оттолкнул подкатившийся к ноге рыжий шарик и побежал вверх по тропинке, не забыв погасить Эл-Кор и убрать крылья: цепляться за деревья силовым полем – приятно мало, так можно и лбом в ствол влететь. Оставшиеся за спиной люди его не волновали – незначительная заминка, не стоящая даже того, чтобы рассказать о ней братьям.

Источник прятался в недрах скалы, вода стекала по узкому каменному желобу, густо облепленному мхом. Ал притормозил, набрал в сложенные ковшиком ладони воду и поднес ко рту, протер лицо рукой, а затем и вовсе сунул голову под падающую со скального выступа струю – уже становилось жарко. Потом подпрыгнул, уцепился за торчащий камень и легко подтянулся, выбираясь на ровную площадку над водопадом.

На завтрак Ал прибежал одним из последних, и наставник только недовольно кивнул головой, поторавливая. Ал быстро ополоснул руки в большой чаше с водой и занял свободное место около Эра. Тут же рядом возник раб и шустро поставил на низкий стол чашку с рисом, положил тонко нарезанный сыр и пару лепешек; в центре стола стояла большая миска с густым наваристым бульоном из шариков мя-ми, щедро приправленных специями. Отдельно стояла плоска с виноградным маслом, туда можно было макать лепешки.

Сразу после завтрака должна быть тренировка у наставника Ксэна, и Ал, решив, что есть много не будет, ограничился парой ложек бульона в рис. Зато Ким налил полную чашку, да еще щедро искупал хлеб в масле и принялся с удовольствием все это наворачивать.

– Не лопнешь? – насмешливо поинтересовался Эр, заметил взгляд наставника и быстро уткнулся в свою чашку, но не удержался и тихо добавил: – Ты и так летаешь, как бочка с бобами.

– Нормально я летаю, – огрызнулся Ким, засовывая в рот сразу половину лепешки.

Ал сосредоточено подцепил палочками шарик риса, поболтал его в бульоне и отправил в рот. Конечно, смотреть, кто как ест неприлично, да и болтать за столом не следует, но Эр прав – сейчас наешься, а потом бежать не сможешь. Даже зверь не будет есть лишнего, а они – люди. Это только дикие едят что попало и много, говорят, они даже могут есть плоть животного... Ал брезгливо передернул плечами. Хорошо, что Эр-Кхар – богатая планета и сельва дает все, что нужно человеку, не перегружая тело и не засоряя кровь.

– Быстрее, братья, – Эр отодвинул плошку и встал. – Кахар не любит, когда опаздывают.

Тим и Ян тоже вскочили, даже Ким отложил полочки. Ал выругался по себя: вечно он начинает думать о чем-то лишнем, опять все поели раньше него.

– Ал, догонишь! – скомандовал Эр, моментально превращаясь в командира звезды. – Остальные – за мной.

Ал только кивнул, торопливо допивая бульон из чашки, пытаясь одновременно дожевать сыр. Идея была так себе, сыр не оценил такого отношения, и Ал закашлялся, пытаясь вытолкнуть из горла застрявший кусок. Доедать оставшуюся лепешку не рискнул, и так уже время, кинул остатки в чашку и рванул к выходу. Раб, молча ожидающий, пока страж закончит есть, тут же подскочил к столу и начал убирать посуду.

От столовой бежать было не надо, можно спокойно долететь до тренировочной площадки. Ал разогнал пульс и раскинул руки, ловя в объятия жаркий ветер. Время уже поджимало, опоздать на тренировку было бы совсем глупо, и Ал резко отвел руки назад, направляя тело вниз.

Повезло, наставника еще не было. Остальные струдились вокруг площадки, образовав неровный полукруг. В центре дрались двое. Ал не сразу понял, что происходит, а когда сообразил – ринулся в самый эпицентр боя, не снижая скорости.

– Какого Арроха ты творишь?

Не удержавшись на ногах, Эр откатился в сторону, едва успев увернуться от грохнувшегося в центр площадки Ала. Ким упал еще раньше, и тут Ал виноват не был.

– Это ты что творишь? – Ал развернулся и уставился на Эра. – Ты бы ему сейчас руку сломал!

– И что? – удивился Эр. – Это недоразумение считает себя кшари, а значит, должен уметь уклоняться!

– А то, что скоро испытания!

– Ничего, – ухмыльнулся Эр, – пропустит, не страшно. Может, к следующим научится кулак сжимать.

– Что здесь происходит?

Наставник Ксэн, в отличие от Ала, опустился на площадку совершенно бесшумно и сейчас бесстрастно взирал на всколоченных спорщиков поверх голов остальных учеников. Спокойный, тихий голос сработал не хуже ледяного душа, и противники подпрыгнули, синхронно разворачиваясь и склоняя головы.

– Прости, кахар.

– Так не терпится приступить к тренировке? Похвально... Тогда начинайте. На мечях.

Ал поклонился еще раз и пошел к оружейной стойке. Эр был выше и сильнее всех в их стае, победить его в обычном бою удавалось редко. За все время Ал смог одержать победу всего три раза, и каждый раз его потом несли к лекарям. Вот если бы наставник объявил воздушный бой – тут равных Алу не было, никто так не чувствовал ветер, как он.

Выбрав меч, Ал стянул безрукавку и бросил ее на камень. Драться она не мешала, про- рези на спине позволяли крыльям работать, но учебные мечи хоть и были немного затуплены, все-таки совсем тупыми не были. Новую одежду выдадут нескоро, а значит, отстирывать кровь придется самому: с Эра станется отомстить за унижение, плевать он хотел на испытания.

Эр тоже разделся, оставшись, как и Ал, в одних коротких, по щиколотку, штанах и высоких, с жесткими мысами, ботинках.

Ал, заметив, как медленно темнеет рисунок на груди противника, торопливо встал в круг, тоже разгоняя пульс. Речитатив мантры возник в голове сам собой, отсекая все лишнее и заполняя сознание. Сердце послушно отозвалось, подстраиваясь под все убыстряющийся ритм слов. Мир за границами тренировочной площадки стал нечетким, размытым, а все важное и нужное сконцентрировалось в центре круга, став ярче и резче, чем было.

Великие никогда не помогают кшари, но всегда следят за каждым из них, оценивая и выбирая лучших.

Сигнал к началу Ал даже не услышал, а почувствовал кожей. Звуки, как и краски, остались в другом времени, только черное лезвие перед лицом и бледные всполохи силового поля. Эр был быстрее, уклоняться удавалось с трудом. Лезвие мелькнуло совсем рядом, и Ал отшатнулся назад, едва не упав. Эр держал ровный ритм, быстро атаковал и тут же уходил в сторону, вынуждая двигаться за ним. Ритм, который был удобен ему, и навязать свой никак не получалось.

Развернутые на ширину рук крылья, подчиняясь движению кисти, почти полностью закрывали тело, работая щитом, но совсем спрятаться было нельзя, надо было атаковать. Ал резко вывернул руку, разворачивая меч плашмя и парируя удар, но тот был такой силы, что меч вырвало из рук. Смотреть, куда улетело оружие, и уж тем более его подбирать было некогда, Ал прыгнул, целя ногой в колено. Попал. Эр отскочил в сторону, не издав ни звука, но на какое-то мгновение потерял равновесие, и Алу хватило этой ничтожной секунды, чтобы ударить еще, уже в корпус.

На этом везение закончилось. Ал, пропустив взмах руки, врезался в чужое крыло и отлетел в сторону, как тот раб на тропинке. Эр взвился в воздух и упал рядом, в последний момент остановив меч в миллиметре от шеи Ала. Пришлось ударить ладонью по земле, признавая поражение.

Мир потихоньку возвращал себе утерянные краски, наваливался шумом и запахами. Бой, скорее всего, занял не больше минуты, и растянувшееся было время схлопнулось обратно, наполнив все вокруг шелестом ветра. Ал встал, стараясь не смотреть на Эра: видеть насмешливое торжество в чужих глазах не хотелось. Хотя понятно, что при наставнике ничего тот не скажет и ухмыльнуться не посмеет, но это ничего не изменит – все знают, кто победил.

– Ты опять выкручиваешь кисть, – недовольно сказал наставник Ксэн, – ты понял, почему потерял оружие?

– Да, кахар, – опустил голову Ал, но тут же опять поднял: наставник Ксэн не любил, когда отводят взгляд.

– Следи за рукой.

Наставник вытащил меч и легко крутанул его в руке. Меч танэ был коротким, сантиметров шестьдесят, но кшари другие не использовали – длинные мешали в полете, а у этого ножны удачно прятались под широким поясом. С длинными ходили только инимы, городские стражники, но – Ал видел пару раз их тренировки – пользоваться толком оружием не умели. У наставника Ксэна не хватало двух пальцев на правой руке, и это совершенно не мешало ему быть лучшим бойцом в их гнезде. Против него можно выставить половину городских стражников, и наставник, Ал был в этом уверен, выйдет победителем. Самому ему было далеко до такого мастерства.

– У тебя запрокидывается кисть, смотри.

Ал внимательно следил за мелькающим в воздухе мечом и злился на себя. Наставник уже объяснял ему, но почему-то во время боя все вылетало из головы. Меч танцевал в руке мастера, выписывая невероятные пируэты и вспарывая неподвижный воздух. Наставник Ксэн был уже не молод, в черной косе сверкали белые нити, а вены на руках обзавелись мелкими узелками, но, когда он выходил в тренировочный круг, замирали даже старшие кшари. Говорили, что раньше мастер командовал сотней и входил в совет стражей, поговаривали даже, что он должен был стать дагаром, верховным кшари, но что-то пошло не так: неудачный бой и искалеченная рука поставили точку. Летать наставник мог, но для виртуозного владения крыльями нужны были все пальцы. Повезло, что совет не выбрал алтарь, а сослал покалеченного воина в наставники – учить птенцов. Ученикам повезло.

– Ты видишь, где ошибка? – наставник Ксэн опустил меч.

– Да, кахар, – коротко подтвердил Ал.

Когда-нибудь он тоже научится так и наставник перестанет недовольно кривиться, глядя на его промахи. А может, даже сможет стать равным кахару, потому что все знают, сильнее кахара Ксэна только сам Великий Ашер, а стать равным Великому не дано никому.

– Хорошо. На сегодня остальные тренировки отменяются.

Удивились, наверное, все, но никто не шелохнулся, продолжая внимательно смотреть на наставника.

– Совет определился с датой испытаний. Они будут через семь дней, и мы надеемся, что оставшееся время вы проведете в саду медитаций. – Наставник оглянулся и ткнул пальцем в стоящих рядом с Алом братьев: – А вы слетаете в город, надо отнести в лавку заказ. Не опоздайте к ужину.

Кто-то завистливо вздохнул, покосившись на пятерку везунчиков: ужин еще не скоро, можно погулять по городу, запрета не было. Отпускали их туда не часто. Гарантированно – только на праздники: на Сикиль, на день Ашера, покровителя кшари, и праздник Комкхора, покровителя всех и лидера Великих. Еще иногда ставили в патруль к старшим кшари, но тогда город они видели больше сверху, чем изнутри. И совсем редко – с каким-нибудь поручением, как сейчас: передать лавочнику список того, что Храм готов у него купить. Скорее всего, забыли сказать, когда он привозил товар, вот и отправили тех, кто может быстро слетать. До темноты осталось часа четыре, раб точно не успеет вернуться, а ночью в сельве опасно.

– Удачи на испытаниях, и пусть тень Ашера следует рядом с каждым из вас.

Неожиданному подарку следовало обрадоваться, но горечь поражения еще не схлынула, и Ал понуро побрел ставить оружие в стойку. Хорошо, хоть в этот раз обошлось без повреждений, небольшая царапина на плече не в счет. У стойки его догнал Ким.

– Ал, давай я протру меч?

Голос у Кима был виноватый, наверное, расстроился, что Алу пришлось из-за него драться, но утешать его не хотелось. В чем-то Эр был прав: пора уже научиться бить, сколько можно ныть.

– Сам протру.

– А давайте на космодром заскочим, – неожиданно предложил Эр. – Я слышал, сегодня «Красный ушу» вернулся. Посмотреть бы.

Если Ал бредил небом, то Эр – космосом. Ал понятия не имел, откуда у Эра информация про звездолет, но каким-то непостижимым образом тот всегда был в курсе, какой отряд прилетел, какой дежурит на орбите, а кто только собирается лететь.

– А нам туда можно? – неуверенно поинтересовался Ким. Летал он хуже всех в их стае, и лишний крюк его явно не обрадовал.

– А я бы слетал, – согласился Ян.

Тим только согласно кивнул.

Космодром располагался на полпути от гнезда до города, и чисто теоретически они ничего не нарушат, если туда свернут. Хорошо бы, конечно, спросить разрешения, но наставник уже ушел, и спрашивать было некого.

– А давай! Кто быстрее?

Алу хотелось реванша, а слушать нытье Кима не хотелось. Эр это понял и с благородством победителя небрежно уронил:

– Не догонишь.

Ким только громко вздохнул, но Ал уже торопливо протирал лезвие, спеша покончить с неприятной частью задания и перейти к интересной.

Гнездо кшари располагалось на одной из самых верхних террас, выше были только Храмы. Почти отвесные скалы каньона Хур-Саг делали обитель Великих практически неприступной. Подняться на террасы можно было либо по подвесным мостам, которые легко снимались, либо на медленном и неповоротливом коптере – их чаще использовали на праздниках, когда горожане желали лично принести дары Великим. Спускаться в долину приходилось так же. Но у кшари был свой путь.

Ал разбежался, оттолкнулся от скалы и... камнем рухнул вниз, почти сведя руки за спиной. Это был рискованный маневр: можно зацепиться за выступающий камень или, не рассчитав траекторию, грохнуться на нижнюю террасу, но он позволял выиграть время. Ветер был всегда и везде, главное, его правильно поймать, тогда можно двигаться в любом направлении – и вверх, и вбок, но, что гораздо важнее, поймав нужный поток, можно было лететь быстро. Очень быстро. Ал знал, что самый сильный ветер был чуть ниже, в середине каньона, где заканчивались террасы и оставался только гладкий камень. Важно не промахнуться и не уйти еще ниже: там почти не было площадок, с которых можно прыгнуть, а на дне каньона и вовсе ревела, сметая все на своем пути, река.

Получилось. Их учили читать ветер, но Алу не надо было задумываться, просчитывать и анализировать, он просто чувствовал. Ловил пик в нарастающем гуле и распахивал крылья – всегда вовремя, не раньше и не позже, чем нужно. Вот и сейчас ветер ударил в крылья, толкая тело в горизонтальную плоскость. Что может быть лучше полета? Ничто в этом мире не стоит того, чтобы отказаться от крыльев.

На ровную площадку перед космодромом Ал приземлился первым. Эр отстал на какую-то минуту, но все-таки отстал.

– На испытаниях я приду первым!

– Летать сначала научись, – весело посоветовал Ал, оглядываясь и высматривая в небе остальных.

Вокруг космодрома шла невысокая живая изгородь, да на вышке скучал одинокий страж – вот и вся охрана. Собственно говоря, это была даже не охрана, а защита от животных, чтобы случайно не забежали на взлетную площадку и не попали под тяжелое брюхо звездолета. Ал знал, что их не прогонят – они были своими. Чужих здесь и не бывало: это надо быть сумасшедшим, чтобы притащиться на территорию кшари без разрешения. А если кому такая безумная идея в голову и придет, то на этот случай вокруг изгороди шла широкая полоса без деревьев. Дежурный сразу засечет гостей, любознательных встретят, и не факт, что будут интересоваться, зачем те пришли. Пусть у них потом Великие спрашивают про цель прогулки. Ну, либо Аррох, тут как повезет.

– Ух ты... – восхищенно пробормотал Эр, рассматривая корабль.

Ал оказался прав: дежурный не стал спрашивать, зачем они прилетели. Если стая тут, то ей либо разрешили, либо приказали, других вариантов нет, зачем тратить время на расспросы. Просто кивнул на небольшую площадку за изгородью, предлагая не путаться под ногами. Далековато, конечно, от корабля, но все равно отлично видно.

А посмотреть было на что. «Красный ушу» был флагманом их звездного флота. Огромный, матово-черный, с огненно-красным драконом на изогнутом носу, он сам по себе напоминал прижавшуюся к скале рептилию, готовую в любой момент взмыться в небо и броситься наперерез врагу. На фоне сине-зелено-бурой сельвы он смотрелся чем-то инородным, чуждым этому миру, а оттого еще более завораживающим. Словно на камень стек, сгустившись, сам космос, забрав с собой леденящий холод и бесконечную пустоту. Принял форму птицы, раскинул широкие крылья и склонил хищную голову, почти уткнувшись шлюзом-клювом в землю.

Стояла на площадке еще пара челноков, но они были серые, скучные и какие-то невзрачные на фоне величественного крейсера.

– Вот бы на него потом попасть...

Ал только пожал плечами. Попасть в звездный отряд было престижно, туда отбирали лучших, но на все воля Великих, им решать, кто достоин, а кто нет. Но Ал надеялся, что Великие оставят его при Храме. Нет, он не боялся оказаться на первой линии защиты Эр-Кхара – тут нечего бояться, тут можно только гордиться, – но... там же нельзя летать! Это как постоянно сидеть запертым в келье, лишь изредка выходя на улицу. Да и не нравилось Алу внутри корабля, там все было холодное и... неживое. Обшитые серыми панелями стены, которые светятся, когда проходишь мимо, тяжелые двери, уползающие в стены... – все это было слишком похоже на мир диких, каким он был на древних рисунках. Чужое и неприятное.

Вот куда бы Ал пошел с радостью, так это в отряд при верхнем Храме. Там у каждого стража имеется свой боевой ушу и каждое утро начинается с прыжка в бездонное небо. Но мечтать смысла не было. Ал понимал, что примет любое решение Великих, какую бы судьбу они для него ни выбрали.

– Смотри, дикие! – Ян дернул его за руку, заставляя повернуться.

Недалеко от них стояло три человека. В одинаковой серой подранной одежде, со связанными руками и окровавленными лицами. Четвертый лежал на земле, с головой накрытый холщовым полотном, только скрюченная, почти обуглившаяся кисть торчала. Ал со смешанным чувством отвращения и любопытства уставился на пленников. Таких диких, еще без рабских ошейников, только после боя, он раньше не видел. Один из тройки, тот, что покрупнее, резко повернулся и тоже уставился на Ала.

Ал вздрогнул, но взгляда не отвел, продолжая рассматривать дикого. Он был высокий, выше любого из кшари, с короткими седыми волосами и каким-то неправильно-спокойным, уверенным взглядом. Словно не считал дикий себя побежденным. Не понимал, что завтра наденут на него ошейник, заставят опустить голову, плетью потушат эту злую непокорность во взгляде.

– Чего они только к нам лезут? – недовольно проворчал Эр. – Ну ничего, завтра их уже на рудники отправят, пусть пашут.

Ал нахмурился. Отчего-то ему было неприятно думать о том, что именно этот дикий станет рабом. Лучше бы его убили в бою, так было бы правильнее.

– Брат ранен, – охнул Ким. – Смотрите.

Из шлюза выпрыгнули двое, держа в руках носилки. Лежавший на них человек выглядел так, точно побывал в лапах иби, пятнистой хищной кошки, любящей прятаться в ветвях деревьев. Именно она рвала добычу острыми, как нож, когтями, предпочитая лакомиться оторванными кусками мяса. У раненого не было ног ниже колена и одной руки – только замотанные окровавленными бинтами обрубки. И сразу было понятно, что этот кшари больше не сможет летать и не возьмет в руки меч, а значит, у него одна дорога.

Ал тоже не знал, что тянет диких в это место. Вселенная бесконечна, в ней куча звезд, но несколько раз в году в их системе обязательно выскакивал из звездного туннеля корабль диких и сразу нацеливался на единственную кислородную планету. Если бы не дежурившие

на орбите кшари, драться бы пришлось уже тут, на Эр-Кхаре, но пока, слава Великим, всех диких удавалось остановить еще в космосе.

У шлюза тем временем становилось все больше людей. Пленники растерянно озирались, стражи подталкивали их в сторону, стремясь расчистить место для следующей партии. Ал приоткрылся: экипаж корабля был экипирован странно. Непривычные черные комбинезоны, перчатки с обрезанными пальцами, грубые ботинки – ничего похожего на привычную светлую и легкую одежду стражей. Только маски те же. Но самым необычным было оружие. Ал долго вглядывался, пытаясь разобрать, что висит на поясе одного из кшари вместо меча, но так и не понял. Ясно только, что это было оружие диких. На Эр-Кхаре была запрещена любая техника старых миров, и попытки воссоздать древних стальных монстров карались серьезно. Да никто и не пытался – они же не дикие, зачем им уничтожать свою планету? Но, похоже, звездные стражи были вынуждены пользоваться чужим оружием: с мечом хорошо в небе драться или на земле, а в космосе другие правила. Нет, он точно не хочет туда.

Вдруг одна из женщин дико завизжала и бросилась к шлюзу, оттолкнув в сторону кшари. Ал успел заметить стоявшего у трапа жреца, в которого женщина и вцепилась, пытаясь что-то у того отобрать. Громко заверещал ребенок, и стало понятно, что держит жрец. Кшари, опомнившись, отшвырнул дикую и занес над ней плеть...

– Но!

...Но ударить не успел. В него, как таран, врезался седой, сбивая с ног. А следом за ним прыгнули и двое других, отсекая остальных стражей от дерущегося предводителя. Ал успел только изумиться, как слаженно и быстро эти трое включились в бой, будто понимая друг друга без слов. И, несмотря на их связанные руки, справились с ними не сразу.

Страж последний раз пнул скорчившегося на земле седого и отошел в сторону. Двое других диких тоже лежали на земле. Остальная толпа отхлынула назад, образуя полукруг и втянув за спины других истошно кричащую женщину. Но никто даже не попытался помочь упавшей троице. Ал сплюнул на землю и отвернулся. Дикие!

– Тебе их жалко? – небрежно поинтересовался Эр.

– Чего их жалеть? – удивился Ким, не дав Алу придумать ответ. – Энэ должны знать свое место.

Да, раб должен знать свое место, но Алу было неприятно смотреть, как бьют ногами упавшего врага. Признаваться, впрочем, в этом он не собирался. Сейчас скажет, а потом дойдет это до наставников и придется объяснять, что жалость к диким здесь совсем ни при чем, он не это имел в виду.

– Они нас не жалеют, – зло отрезал Ян, – помните экипаж «Синего пламени»?

Ал помнил. Им рассказывали наставники, да и слухи ходили. Два года назад из туннеля выскочил очень большой корабль диких, а на орбите тогда дежурил средний крейсер. Конечно, он тоже легко расстрелял бы чужаков, но на борту могли быть дети, а кшари не убивают даже чужих птенцов. Абордаж закончился неудачно, диких оказалось слишком много. Когда подошла помощь, экипаж «Синего пламени» был еще жив, но лучше бы он был мертв. Дикие не знали жалости, зато жестокость была у них в крови. Содранная живьем кожа, выломанные ребра, обожженные кислотой лица – это было только начало списка развлечений диких. Ал помнил и забывать не собирался.

– Но все равно, круто этот дрался, – добавил Ким. – Он двоих свалил, я даже не понял, как.

– Тебе и не надо понимать, – снисходительно протянул Эр. – Для тебя это слишком сложно.

Ким обиженно засопел, но Эр не обратил внимания.

– Ал, ну что? Пошли в город? А то времени уже много.

– Да уж, именно что пошли, – вздохнул Ал.

Он уже жалел, что согласился свернуть к космодрому. Отсюда в город только пешком топать, тут даже залезть некуда, чтобы прыгнуть, не просить же пустить их на вышку. Да еще дикие эти...

Глава четвертая. Тардхани

Великие не просто наложили запрет на использование технологий диких, они еще изменили мир Эр-Кхара, заставив его служить людям. Все, что нужно было человеку, росло в сельве: еда, одежда, даже оружие выращивалось на средних ярусах дождевого леса. Мечи и ножи, например, делали из сердцевины армы, железного дерева: сначала вырезали, придавали форму, а потом вымачивали почти год в смеси сока и смол еще десятка деревьев, и по крепости они не уступали древней стали. Как делали звездолеты, Ал точно не знал, но предполагал, что тоже выращивают. Почему нет? Дома же выращивают. Из недр планеты добывался только кориум, редкий минерал, способный генерировать силовое поле – Эль-Кор, сердце кшари.

Конечно, Великим пришлось потрудиться, меняя геном деревьев, чтобы получить нужный результат, но он того стоил. Эр-кхарцы не уничтожали свою планету, не отравляли реки и воздух, не убивали животных и не истребляли птиц. На редких шахтах работали только рабы и преступники, да и сами шахты были на севере, далеко от городов. Так было пятьсот лет назад, так есть сейчас и так будет всегда.

– А вы кшари? Настоящие?

Ал, уже собравшийся ступить на подвесной мост, оглянулся. Из-за кустов выскочила стайка малышни и сейчас глазела на них, открыв рот. Вопрос задала босоногая девчонка с собранными в высокий хвост волосами – похоже, самая боевая в своей компании.

– Они самые, – подтвердил Эр.

– А покажите крылья! – выпалила девчонка и зажмурилась, испугавшись собственной храбрости.

Ал с Эром переглянулись и синхронно кивнули: можно и показать, не жалко.

– Ух... – хором протянула малышня, заморожено наблюдая, как за спинами двух кшари начинает дрожать, сгущаясь, воздух. А девчонка даже подпрыгнула от восторга и осмелела окончательно: – А потрогать можно?

Эр, сурово зыркнув на детей, покачал головой. Малышня разочарованно загудела, но Ал их уже не слушал, шагая по мосту.

Город располагался в низине, там, где река, успокоившись, распадалась на два рукава. Но даже здесь, в нижней сельве, торчали редкие скалы и нависали каменные террасы, только шире, чем наверху, густо поросшие зеленью и пологие. Тут уже можно было прыгнуть и полететь, но до центра проще добраться пешком.

Дома здесь были другие, не такие, как в их гнезде. Нижняя сельва была гораздо сырее, а в сезон дождей и вовсе превращалась в болото, поэтому и дома здесь растили на высоких сваях, а вместо дорог плели мосты.

Ал, заметив стоящую на возвышенности высеченную из камня фигуру, быстро провел ладонью по лицу: Великая Мот была не их покровительницей, а лекарей, но почитать следовало всех Великих. Точнее, только пятерых. Изначально их было шестеро, но Аррох предал свой народ, показав диким дорогу к Эр-Кхару. Великий Ашер отомстил, отправив предателя в сумрачный мир, но и там Аррох не успокоился, он открыл двери проклятого мира и выпустил дикость. Великие бились с ним в другом мире, за чертой жизни, а кшари были вынуждены драться здесь. Дикость приходила не только из космоса, она заводилась и в городах. Ал был еще совсем мелким птенцом, когда на юге люди зачем-то решили захватить Храмы. Тогда туда стянули почти всех кшари из соседних Храмов, из их гнезда тоже улетели многие. Вернулись не все. Храм удалось отстоять, загнав дикость туда, где ей самое место, – к Арроху, но кшари и сейчас были готовы вступить в бой. А жрецы Великой Мот были всегда готовы принять тех, кого вынесли из боя.

Еще говорили, будто Аррох смел утверждать, что кшари – его рук дело. Он, мол, создал крылатых, и служить они должны ему, но это, конечно, бред. Все знают, что стражей создал Великий Ашер, а помогали ему Великая Мот и Великая Окхана.

За первым каскадом мостов начинался квартал мастеров. Тут дома были невысокие, потемневшие от времени и местами засохшие, уже начавшие умирать. Для того, чтобы вырастить новый дом, надо было принести большую жертву Великим: например, отдать Храму одного из своих детей или треть годового дохода. Цена зависела от сложности задачи, но никогда не была низкой. Слышащие Голос могли вырастить любой дом, от небольшой лачуги сахри до огромной резиденции тардхани – разница была только во времени. Жрецы меняли геном, и дерево росло в нужном направлении, формируя комнаты и коридоры, а когда дом вырос, просто отключали ген быстрого роста и дерево замирало в одном состоянии.

Конечно, у них была и техника, те же коптеры, например, или ткацкие станки. Одежда сама собой не росла, ее надо было сшить, этим занимались в касте мастеров, но создать то, из чего потом получалась ткань для платья или обшивка коптера, могли только Слышащие Голос Великих.

В торговых рядах было куда веселее, чем среди невзрачных домишек мастеров. На время Каскаля рынок переехал на нижний ярус города: там было не так жарко, как наверху. Застелили землю плетеным настилом, поставили яркие шатры, а вокруг разложили товар. Здесь продавалось все, чем была богата сельва, что выращивали на залитых водой полях и что делали мастера. Тут можно было купить что угодно: от лепешек хлебного дерева, молодых побегов бамбука и мясных орехов до ножей, подушек для медитаций и ярких рисунков на тонкой, невесомой бумаге. Конечно, во время праздников рынок был больше и ярче, но и сейчас он оглушал гомоном толпы, наваливался какофонией запахов и буйством красок – ничего похожего на спокойную, размеренную жизнь при Храме.

Эр, проходя мимо очередного прилавка, небрежно подхватил с низкого столика гроздь водянистого винограда и тут же, отщипнув пару прозрачных ягод, отправил их себе в рот. Торговец возмущенно вскинулся, но, сообразив, кто перед ним стоит, быстро склонил голову и двумя руками провел по лицу, выражая почтение Великим и их стражам.

Нужную лавку они нашли быстро. Упитанный торговец с забранными в высокий пучок редкими волосами внимательно изучил список, задумчиво пожеывая пухлую губу, кивнул сам себе и, шустро скатав свиток, убрал бумагу в ящик.

– Передайте почтенным аштэ, что завтра с утра все будет. Кшари желают что-то еще?

Кшари больше ничего не желали. Лавка была скучной, почти до самой тряпичной крыши забитая мешками с рисом и бобами, даже посмотреть не на что. Лучше, пока есть время, прогуляться по рынку.

– Куда пойдем? – поинтересовался Ян.

Дальше шли ряды с тканями. Ал остановился, прикидывая, в каком углу рынка торгуют ножами, на них посмотреть интереснее, чем на тряпки. На людей, впрочем, тоже было любопытно смотреть. В углу, прямо на голой земле сидел старик-сахри и старательно перебирал начавшие портиться фрукты. Скорее всего, кто-то из торговцев выбросил товар, вот старик и копался в корзине, пытаясь выбрать те, что получше. А может, ему обещали заплатить пару монет, если отнесет мусор в сельву.

Чуть дальше, привалившись спиной к дереву, скучал иним. Ал скользнул по нему равнодушным взглядом и отвернулся. Бескрылый и неуклюжий, совершенно ненужный человек. Тардхани зачем-то настаивали на городской страже, можно подумать, их так не защитят. Жрецы не спорили, снисходительно относясь к этой блажи городских правителей.

Из ближайшей лавки вышла высокая девушка, судя по маске на лице и ярко-красному плащу, она служила в Храме Великой Мот. Ал почтительно склонил голову, но жрица его не заметила. Сопровождающий ее торговец торопливо кланялся и протягивал девушке корзину,

доверху наполненную финиками. Скорее всего, у него кто-то заболел, может, работники или член семьи, и он позвал лекаря.

У прилавка со специями стояла пара поинтереснее. На мужчине была шелковая туника, расшитая замысловатым узором, короткий меч на поясе, длинные волосы схвачены инкрустированной синим деревом заколкой. Одежда женщины не уступала в роскоши мужской, только туника была чуть длиннее, до колен, а штанов не было вовсе. Ленты сандалий оплетали шиколотки и икры, а на голову был наброшен тонкий, почти прозрачный шарф – в такой одежде только по мостам города ходить, в сельве в ней не побегаешь. Но и так было понятно, что это тардхани: только у высокорожденных такой яркий узор на лице. Женщина еще подкрасила узор рыжим соком дерева ши – тоже признак богатого дома.

Серебристые линии на одежде говорили, что тардхани были из Верхнего Дома правителей, может, даже из самой столицы. Бул-Хаг считался крупным городом, тут жило почти тридцать тысяч человек, но столица была больше раз в семь, а то и в десять. Кто-то рассказывал, что там даже пользуются коптерами, чтобы долететь с одного конца города до другого, а груз перевозят на больших каноэ.

– Чуть больше почтения, кшари!

Ал дернулся, быстро отводя взгляд: так долго рассматривать женщину было непозволительно, тем более высокорожденную. В Храмах почти не было женщин, только у лекарей, да иногда у Слышащих Голос, среди стражей их не было вовсе – это понятно, женщина не может воевать, она слишком слабая, ее место дома, – но наставники объясняли, как себя вести в городе, а он забылся.

– Склони голову, кшари!

Ал не спорил, он действительно был неправ и даже готов был извиниться, но склонить голову? Голос тардхани просто сочился презрением, а во взгляде читалась откровенная брезгливость. Высокорожденный смотрел на него так, словно Ал был не кшари, а последним из сахри. Вместо того чтобы выполнить безумный приказ, Ал упрямо нахмурился, не понимая, как быть. Просто развернуться и уйти? Ответить на вызов тардхани и объяснить, кто должен склонить голову? Или все же извиниться перед высокорожденной?

Тардхани положил руку на меч.

Великие мудро поделили людей на касты, и это было правильно. Сахри мало жили, много болели и не могли выполнять сложную работу, их удел – собирать мусор и прислуживать остальным, никто не захочет смешать свою кровь с порченной. Тардхани были сильными, у них рождались здоровые дети, и они могли управлять остальными. Другие касты тоже были понятными: ребенок, рожденный в касте мастеров или работников сельвы, всегда знал, кем он будет, и учился своему ремеслу с самого детства. Никто никогда не претендовал на место другого, и Эр-Кхар не знал войн. А если кому-то в голову приходили дикие мысли, кшари всегда были готовы объяснить заблудшим замысел Великих. Мечом объяснить.

Ал не знал, в какой касте родился он сам, да это и не имело значения. Храм был отдельной кастой, со сложной внутренней структурой и незыблемыми правилами: страж подчиняется своему дагару, бьется рядом со своими братьями и признает мудрость жрецов, но он никогда не склоняет голову перед теми, кто не служит Великим. Из всех, кто принадлежит Храму, только рабы всегда опускают взгляд!

Великим было все равно, кто стоит перед ними, высокорожденный или торговец, и Алу – тоже. Если жрецы прикажут, он отдаст жизнь за любого горожанина, кем бы тот ни был, почтенным мастером или грязным мусорщиком. Закроет собой, не задавая вопросов. Впрочем, если прикажут убить – убьет, нет разницы. Главное – жизнь Храма. Жизнь отдельного человека, включая его самого, не существенна и вторична.

– Вихтор, – женщина тронула спутника за локоть, – оставь его, он всего лишь тэррок.

Ал не шелохнулся, зато вокруг все пришло в движение. Торговцы суетливо отступили ближе к шатрам, встревоженно поглядывая на разложенный товар. Иним наконец-то отлип от дерева и теперь растерянно озирался, выглядывая своих: одно дело шугануть дурного мальчишку, решившего спереть лепешку, а совсем другое – попытаться остановить кшари. За правым плечом почти бесшумно материализовался Эр, а слева Ким, оба в боевых стойках, готовые встретить любого, кто попробует вмешаться в спор. Ян встал чуть сбоку, грамотно перекрывая остальным дорогу. Стражник скис окончательно и медленно пошел в их сторону. Тардхани не двинулся, только пренебрежительно скривился, разглядывая их стаю: его меч не был учебным, но и крылья у слетков были серьезным оружием.

Ал равнодушно смотрел сквозь высокорожденного, прикидывая, как лучше выбить у него оружие, не сломав при этом самого тардхани. На ползущего, как раненая черепаха, стражника он внимания не обратил, с ним даже Ким справится. В любом случае братья прикроют спину, не выясняя, прав Ал или нет. Есть Храм, гнездо – и остальной мир. Эр может сколько угодно доставать Кима, а Ян попытается доказать, что он сильнее Ала, но только не тогда, когда один из них готовится к бою. Они семья, и другой у них нет. Каждый из них закроет собой брата.

– Добрый вечер, – вынырнувший из-за шатра жрец посмотрел на изготовившихся к бою слетков и перевел взгляд на тардхани. – Да не оставит ваш Дом милость Комкхора.

Женщина улыбнулась и провела ладонями по лицу, а мужчина лишь коротко кивнул:

– Вечер добрый, аштэ.

Ал быстро глянул через плечо, и Эр ответил ему выразительным взглядом. Если бы тардхани вытащил меч, то они, защищаясь, были бы в своем праве. Да и не стал бы высокорожденный обнажать оружие, он же не дурной, скорее всего, дело бы ограничилось парой оскорблений с его стороны, выплеснул бы раздражение и гордо удалился. Кшари в любом случае не стали бы вступать в перепалку, они, в отличие от других людей, умели держать эмоции под контролем. А теперь что? Сейчас он нажалуется жрецу, и вечером влетит всей стае: наставники не станут разбираться, кто, как и куда смотрел. Да еще на плечах жреца был белый плащ, а значит, он принадлежал к Верхнему Храму, и наставники наверняка постараются наказать посильнее, чтобы задобрить Комкхора.

– Могу я узнать, что случилось?

– Можешь, – неприятно ухмыльнулся тардхани, – ваши тэрроки дурно воспитаны.

Жрец, чуть склонив голову, молча слушал, и Ал только крепче сжал зубы, смотря в пустоту равнодушным взглядом: кшари не вмешиваются в разговор жрецов, они ожидают решения.

– Они еще молоды, им свойственны ошибки... – Жрец зябко поежился и плотнее завернулся в плащ, его седые волосы выбились из тонкой, иссеченной временем косы и теперь неровными прядями обрамляли маску. – Вряд ли он хотел оскорбить, но я прошу прощения за него.

– Или просто дурная наследственность, – презрительно бросил тардхани.

– Их выбрали Великие, – изумился жрец. – Ты сомневаешься в мудрости Великих?

– Нет, – тардахани нахмурился, видимо, сообразив, что подошел к опасной черте, после которой жрец может предъявить обвинение в неуважении уже ему самому. – Кто я такой, чтобы сомневаться в решениях Великих? Но я надеюсь, что тэррока накажут.

– Это решать его кахарам.

Жрец произнес ритуальную фразу прощания, дождался, пока высокорожденные неспешно удалятся, и только после этого развернулся к Алу.

– Твой разум занят лишним, кшари.

– Да, аштэ, – склонил голову Ал.

Жрец вздохнул, явно думая о чем-то своем, затем велел рассказать о произошедшем наставникам и, дождавшись еще одного спокойного «да, аштэ», развернулся и медленно побрел прочь, ни разу не усомнившись, что его распоряжение будет выполнено.

– Да, Ал... Тень Ашера тебя сегодня явно потеряла, – протянул Эр, не то насмехаясь, не то сочувствуя.

Ал ожег его злым взглядом, но ничего не сказал. Эр не умел молчать, умудрялся пропускать медитации, устраивал драки и даже осмелился один раз оспорить сказанное наставником, но наказанным чаще всего почему-то оказывался Ал. И все время из-за какой-то ерунды. Словно Аррох лично выбрал его для своих насмешек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.